

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

О.М. МОРОЗОВА

ГЕНЕРАЛ ИВАН ГЕОРГИЕВИЧ ЭРДЕЛИ

Страницы истории Белого движения
на Юге России

Новейшие исследования по истории России

Ольга Морозова

**Генерал Иван Георгиевич
Эрдели. Страницы истории
Белого движения на Юге России**

«Центрполиграф»

2017

УДК 97(47+57)(092)
ББК 63.3(2)612.8

Морозова О. М.

Генерал Иван Георгиевич Эрдели. Страницы истории
Белого движения на Юге России / О. М. Морозова —
«Центрполиграф», 2017 — (Новейшие исследования по
истории России)

ISBN 978-5-227-07421-8

Книга посвящена одному из основателей Добровольческой армии на Юге России генералу И. Г. Эрдели. В основу положены его письма-дневники, адресованные М. К. Свербеевой, датированные 1918–1919 годами. В этих текстах нашла отражение реакция генерала на происходящее, его рассуждения о судьбах страны и смысле личного участия в войне; они воссоздают внутреннюю атмосферу деникинской армии, содержат отрывки личного характера, написанные ярким поэтическим языком. Особое внимание автором монографии уделено реконструкции причинно-следственных связей между жизненными событиями и системообразующими свойствами личности. Монография предназначена для научных работников, преподавателей, студентов, всех интересующихся российской историей.

УДК 97(47+57)(092)
ББК 63.3(2)612.8

ISBN 978-5-227-07421-8

© Морозова О. М., 2017

© Центрполиграф, 2017

Содержание

Введение	7
Глава 1. Эпоха юности и надежд: первое пореформенное поколение	14
Конец ознакомительного фрагмента.	36

О. М. Морозова
Генерал Иван Георгиевич
Эрдели. Страницы истории
Белого движения на Юге России

Рукопись подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-41-93005.

© Морозова О. М., 2017

© «Центрполиграф», 2017

Введение

Своим появлением книга о генерале от кавалерии Иване Георгиевиче Эрдели (1870–1939) обязана хранящимся в Центре документации новейшей истории Ростовской области его запискам, датированным 1918–1919 годами. Эти письма-дневники – тексты оригинального и редкого эпистолярного жанра – в виде двух копий, рукописной и машинописной, находятся в истпартовском фонде¹. Место в описи, где указаны номера дел 1311 и 1312, заклеено полоской белой бумаги. Уже никто не помнит, по чьему приказу это было сделано. Кому понадобилось превращать эти дела в подобие мифической второй книги «Поэтики» Аристотеля? По-видимому, это связано не со странным присутствием в истпартовской коллекции записок белого генерала, а с тем, что это были любовные письма в самом полном смысле этого слова. Адресатом этих писем была Мария (Мара) Константиновна Свербеева (1870–1963), в девичестве – Олив, в первом браке с племянником Саввы Мамонтова она носила фамилию этой знаменитой семьи предпринимателей и меценатов.

Архивное дело предваряют записки двух лиц, благодаря которым эти бумаги оказались в 1925 году на государственном хранении. Это – жительница Екатеринодара Надежда Васильевна Вечная и бывший деловой партнер ее мужа, а ныне советский служащий В. Пшеничный.

Мара Константиновна Свербеева год с лишним снимала квартиру в доме Вечных. Коробка с этими бумагами была оставлена у Вечной при эвакуации белых при следующих обстоятельствах. В момент выноса вещей из дома ее муж, Федор Дмитриевич Свербеев, заинтересовался этим ящиком. Мара солгала, что это хозяйский сундучок, и Федор отставил его в сторону и не уложил в экипаж вместе с остальными вещами. Ящик остался в кладовой, при большевиках во время многочисленных обысков на него не обращали внимания, а потом и вовсе забыли. Через пару лет Вечная отдала бумаги Пшеничному. Тот поинтересовался у одного из членов Кубанского ревкома, что с ними делать. Тот сказал: «Прочти, если там только любовная переписка, делай, как знаешь, если что-то контрреволюционное – передай нам». И Пшеничный забросил бумаги на полати дачного дома, в котором жил. Только спустя два года, после того как в Туапсе на чердаке бывшей дачи Сувориных, издателей популярнейшей дореволюционной газеты «Новое время», наткнулся на 25 пудов бумаг, он вспомнил об эрделевских тетрадах. За это время они сильно пострадали от воды, поэтому часть текстов оказалась утраченной. Оставшееся он просушил и принес в архив².

Судьба подлинника была плачевной еще в 1920-е годы, о чем сообщают обнаруженные в архивах документы. Сотрудница Кубанского истпарта Елена Верецкая-Полуян в записке, написанной в начале 1924 года по поводу конфликта с непосредственным начальством, упоминала, что у них имеется огромный сильно попорченный дневник генерала Эрдели. Коллегу Д. Ф. Сверчкова, к слову, старого революционера и личного друга Л. Д. Троцкого, Верецкая клеймит как интригана, карьериста и бывшего меньшевика и заключает, что по сравнению с ним «этот белогвардеец» куда чище!³

С одной стороны, эти записки – ведущийся синхронно событиям жизни дневник, с другой – письма, адресованные другому человеку. Эти толстые тетради отсылались с оказией Маре Константиновне Свербеевой, женщине, с которой у генерала был длительный роман.

¹ В Государственном архиве Российской Федерации хранится находящийся в плохом физическом состоянии дневник генерала И. Г. Эрдели, который, судя по всему, и является первичным по отношению к ростовским документам (Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 216).

² Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 6, 7.

³ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 157. Л. 37.

В силу сложившейся между ними атмосферы единения содержание записок исключительно многообразно: от событий военно-политической жизни до подробностей интимных переживаний и физического состояния генерала. Иван Георгиевич подчеркивал, обращаясь к Маре Константиновне: «Я пишу не отвлеченно, всегда пишу тебе и для тебя»⁴.

Как правило, большинство писем и дневников носит контекстный характер. Их содержание исчерпывается описанием происходящего вокруг человека. И лишь малая их часть относится к исповедальному типу. Так реализуется человеческая потребность высказать наиболее сокровенные мысли и чувства и тем самым разобраться в себе, в происходящем, определиться с оценками и со стратегиями поведения. Подобные тексты несут наиболее полную информацию о мировоззренческих и психологических особенностях человека.

Если говорить о дневниках, то по времени возникновения более ранними считаются записи контекстного характера. Затем, по мере эмансипации человеческой личности, развития интереса людей к самим себе появляются глубоко личные, предельно откровенные тексты ежедневных записок. Вторая половина XIX – начало XX века – время наибольшего расцвета дневникового жанра в России. Ведение ежедневных записей в тетрадках или даже на клочках бумаги превратилось во всеобщее поветрие. Дневники вели не только чиновники, офицеры, деятели культуры, священники, образованные женщины из высших и средних слоев общества, но и кучера, приказчики, горничные, рабочие и даже крестьяне. Отдельные примеры такого рода приходилось встречать среди архивных бумаг.

Люди стали почему-то ценить всякие, даже мелкие движения своей души и стремились зафиксировать их. У одних это получалось емко, глубоко, ярко, у других этот важный для них миг жизни был зашифрован в виде незатейливой фразы типа: был у Петра, много говорили за жизнь.

Традиция ведения дневника предполагала, что в особых случаях он мог быть дан другому лицу для прочтения. Это была форма крайнего доверия, которая могла укрепить отношения, а могла и расстроить, ведь в дневнике раскрывалась вся голая, неприкрытая, а подчас и безобразная правда о человеке. Объяснить природу этого мазохистского духовного эксгибиционизма поможет фраза из так называемого «тайного» – для себя – дневника писателя Л. Н. Толстого. 9 июля 1908 года старый граф записал, все кинулись писать его биографию, но что можно понять в нем, не зная «ужасной грязи» его интимной жизни: «А это очень важно, и очень важно как наиболее сознаваемый мной, по крайней мере, порок, более других заставляющий опомниться». Вот это «*опомниться*», стать лучше двигало многими авторами дневников исповедального типа. Другим поводом могло быть желание оправдать и оправдаться. Третьим – определиться с оценками, оформить позиции по ключевым вопросам посредством диалога с самим собой или с воображаемым собеседником или оппонентом.

Записки Ивана Эрдели не менее откровенны, чем «тайный» дневник великого писателя. Но причина была иной. Мара Свербеева стала центром мироздания Эрдели по числу нитей, связавших их. Клубок образов и ощущений, ассоциировавшихся с ней, отличаясь оттенками, наполняет собой значительную часть дневников. Без этой страсти не было бы самих текстов, ни их глубоко эмоционального и весьма информативного содержания. Эрдели – человек исключительно творчески одаренный, у него изумительный стиль речи, который он демонстрирует на страницах своих записок, поэтому его записки оригинальный литературный, а не только исторический памятник.

Находясь в разлуке с предметом своей страсти, Эрдели практически ежедневно находил время, чтобы делать записи в толстые тетради (он их называл «листочками»), которые пересылались с оказией Маре Свербеевой. В некоторые дни, а такие случались нередко, он делал записи в 9 часов утра, в 3 часа дня, в 12½ часов ночи – всякий раз, когда у него была

⁴ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 186–187.

свободная минута. И эту минуту он предпочитал проводить наедине с тетрадью, то есть с Марой. Он желал, чтобы тогда, когда его «листки» окажутся в руках Мары, она знала, что он думал и чувствовал. Потребность в этом была столь велика, что во время 1-го Кубанского (Ледяного) похода 24 апреля 1918 года в течение дня он написал более 1600 слов. Иван Георгиевич заносил на бумагу все свои мысли и чувства, посещавшие его в течение дня. Это были реакции на произошедшие события, рассуждения о будущем и смысле его участия в войне; ей он повеждал о состоянии своего здоровья и со страстью описывал свои чувства и желания, объектом которых была она. Так он старался сохранить духовную связь с ней. Эта цель побуждала его быть максимально откровенным с Марой: «...Тебе-то я свое нутро выкладываю начистоту, понимаешь...»⁵

Запискам Эрдели присуща характерная для дневниковых записей противоречивость оценок. Человек, перемещаясь из одной роли в другую, смотрит на ситуацию то так, то иначе. Примером может быть короткий отрывок, датированный 2 мая 1918 года (все даты дневника приведены по юлианскому календарю):

«...Теперь я вижу, что России действительно настал конец, нет ее, а лишь жалкие куски великого целого остались. А Московское государство – такая насмешка какая-то, ужасно. Какое безысходное горе, какое крушение лучших чувств гражданина и сына любимой родины. А да черт с ней, с этой родиной, дряблой и противнейшей, мне нужна ты, если ты жива и цела, тогда все есть, и родина, и солнце, и свет, и радость, и жизнь, а нет тебя – никого нет и ничего нет, пустота и бессмысленность. <...> Я действительно одинок? Хоть бы разрешить мне эту загадку. Уж тогда, по крайней мере, если я остался один, то чего мне добиваться, кому служить, к чему стремиться? Зачем мне Добровольческая армия, Россия, идея? Все мелочь и пустые забавы. Не мелочь – собственная душа и смерть – вот что остается главным»⁶.

В мемуарных текстах, как правило, отражено устоявшееся за годы мнение: его определенность освящена количеством высказываний на этот счет. Дневник же передает живость реакций, которые стремятся успеть за изменяющейся жизнью. В марте 1918 года с перерывом в несколько дней генерал отразил в дневнике весьма различные чувства по отношению к кубанцам и конкретно В. Л. Покровскому. Тогда, когда кубанские казаки не без влияния Покровского отказывались подчиниться Корнилову, Эрдели посылал голову пеплом, корил себя, что совсем недавно помог им в организации армии и поддержал выдвижение на пост командующего вместо себя Покровского, и надеялся, что тот поставит общее дело выше личных вожделений, хотя и не обольщался насчет его личных качеств. Вскоре Корнилов собрался поручить ему реформирование отряда Покровского для создания полноценной кавалерийской части. И тут генерал превзошел себя, сокрушаясь по поводу участия в «хирургической операции» над теми, кто еще недавно принимал его как гостя, с тем чтобы подчинить их воле общего командования⁷.

К этой категории текстов относится и отрывок из дневника, датированный 20 мая 1918 года, помещенный в приложении к книге. Он емко показывает особенности мышления генерала, его настроения в конце 1-го Кубанского похода, оценки запутанной на тот момент ситуации, связанной с присутствием германских войск, и многое-многое другое (приложение № 2).

События текущей военно-политической жизни и суждения видного белогвардейского военачальника представлены широко на страницах этих писем-дневников. Генерал от кавалерии И. Г. Эрдели – офицер блестящей военной карьеры. Место в армейской иерархии сде-

⁵ Там же. Л. 124.

⁶ Там же. Л. 151, 156.

⁷ Там же. Л. 100, 106, 139.

лало из него одного из отцов-основателей Добровольческой армии. Уровень информированности делает его оценки текущей ситуации, отраженные в записках, датированных весной 1918 – летом 1919 года, бесценными именно в связи с их дневниковым характером. На страницах писем много неожиданных, в том числе и нелицеприятных характеристик отдельных политиков, командования и движения в целом.

Некоторые страницы дневника имеют все признаки травелога – отчета о путешествии. Для того чтобы Мара хорошо представляла его маршрут, он чертит план своих поездок, указывает станции и населенные пункты и то, каким транспортом он преодолевал эти расстояния.

Генералу удавались чудесные путевые зарисовки. Например, будучи главноначальствующим на Северном Кавказе и направляясь по железной дороге из района Кавказских Минеральных Вод в Кизляр, он занес в дневник 18 мая 1919 года свои впечатления от видов, открывавшихся из окна его вагона:

«7 часов утра. Проснулся рано, думы одолели, не спится. Чудное утро. Едем по зеленым степям, покрытым травой, цветов много, сено уже косят. Ширина необъятная. Виден Терек, а за ним синеют предгорья Кавказа. Станицы вдоль Терека в садах утопают, а между деревьев видны колокольни церквей, и кресты золотятся на солнце. Так все свежо, так ярко чувствуешь, что весна, что утро, что дождик был ночью – перестал, и теперь все искрится, все сверкает, все живет, радуется. <...>

Мара, сейчас едем, и целое поле белых и лиловых ирисов. Как хорошо, никогда этого не видел. Потом боярышник цветет чудно, но красный, кровавого цвета цветочки – удивительно. Лошади пасутся, жеребята скачут кругом матерей. Пастухи-мальчики в огромных папах лежат в траве на животах, задравши пятки кверху, и глазят на поезд точно зверьки. Сейчас Терек совсем близко, другая сторона, чеченская, уже гористая, и так вспоминается, помнишь: „По скалам струит Терек, Плещет мутный вал, Злой чечен ползет на берег, Точит свой кинжал“»⁸.

И спустя два дня по дороге из Кизляра в Порт-Петровск генерал продолжил свои путевые заметки в состоянии восторга от бурной южной весны:

«День дивный. Солнце. Все луга полны цветов, аромат удивительный; фазаны вырываются при проходе поезда. Горы здесь мягких очертаний все в зелени и коврах незабудок и маков. Боярышник всюду цветет и точно снежные кусты. Горные речки после дождей вздулись и стремятся, захлебываясь в мутных потоках. Красиво, а тебя нет со мной, милый, и все мне наполовину»⁹.

В разлуке ему не хватало внимающего собеседника в лице Мары Константиновны. Дневник заменял ее. Ему он поверял свои сокровенные мысли и чувства. 18 февраля 1919 года, находясь в Баку для переговоров с английским командованием о судьбе русского военного имущества в Закавказье, переговоров неудачных и тяжелых, он записал удивительный по силе и эмоциональности монолог:

«Скорее бы вон из этого Баку, кошмарного, ужасного, ненавистного; скорее к тебе, к твоей любви, к ласке, нежности, растаять около тебя, вылить душу свою, оскорбленную и униженную, чтобы ты поняла меня. Слиться душой с тобой, говорить с тобой одним языком, одним чувством, одним разумением, – чувствовать в тебе свое второе „я“, чувствовать в тебе ответ на все-все. И самому отвечать на все тебе, моему сокровищу, моей единственной в жизни женщине – человеку, которую я понял, которая меня поняла и любила и которую я полюбил – истинной и единственной в моей жизни любовью. И опять чем дальше, тем определеннее, тем вернее и тверже все становится, что нет жизни без тебя,

⁸ Там же. Л. 86–87.

⁹ Там же. Л. 93.

и когда я без тебя, то так и говоришь себе, что это переходное время а настоящее время, – когда около тебя, когда с тобой, и не мыслится иначе. Ты чувствуешь, понимаешь, как я тебя глубоко, серьезно люблю, Марочка. Целую тебя, милый мой, ложусь спать. Христос с тобой»¹⁰.

А за окном номера гостиницы в Баку февраль 1919 года. Во Франции готовится к изданию роман Марселя Пруста «Под сенью девушек в цвету». А знаменитый роман «Улисс» ирландского писателя Джеймса Джойса будет издан только через три года. Но записи реальных переживаний реального человека представляют собой текст той же художественно-эстетической природы: фиксация мыслей, образов и эмоций на много-много страниц и почти без знаков препинания. Интуитивно белый генерал переоткрыл для себя модернистский литературный метод, впоследствии названный потоком сознания – изложение как литературного текста вереницы мыслей, соединенных странными и далеко не очевидными ассоциациями и связками.

То, что это произошло на русской культурной почве, не случайность. Первопроходцами в описании и дешифровке видений и снов были не З. Фрейд, не М. Пруст и не Дж. Джойс. Нигде нет такого обилия снов, как в произведениях Ф. М. Достоевского. Писателю удавалось очень точно передавать чувства, думы, фантазии, сны людей, потерявших опору в реальном мире. Внимание русской литературы к человеческому подсознанию, к отслеживанию неосознаваемых импульсов, поступков и эмоций продолжилось в период Серебряного века. Техника потока сознания, экспрессивность и алогичность образов обнаруживается в «Мелком бесе» Ф. Сологуба, «Петербурге» А. Белого.

Иван Георгиевич пересказывал в своем дневнике некоторые свои сны, в основном носившие эротический характер. Именно в этом русле шли эксперименты западноевропейской модернистской литературы. Мир не такой, каким он выглядит, утверждала новая физика А. Эйнштейна. Общество и литература откликнулись: нельзя доверять чувствам, эмпирическому восприятию понятий о времени и расстоянии, о добре и зле, о законе и справедливости, о природе поведения человека в обществе. Чувство личной ответственности и долга было подорвано. Наступило время моральной анархии. Это было начало широкого экспериментирования и в скрытых сексуальных эмоциях. Внутренний монолог, в котором смешаны и ощущение героя, и то, что он видит, и мысли с ассоциациями, вызванными образами, которые возникают, вместе с самым процессом их возникновения, стал новым средством проникновения во внутренний мир человека, давая особый взгляд на индивидуальность человека и на окружающий мир в целом.

Мара Сverbеева вызывала у Эрдели сильнейшее физическое влечение. Глубоко личные переживания генерал заносил в дневник. Вот пример подобного рода из записи за 22 мая 1918 года:

«Подчас представляется, как ты повязываешь головку на ночь, как голыми ножками в ночных туфельках ходишь, как в лорнет смотришь, как хорошо и элегантно одетой сидишь, перелистываешь что-нибудь, читаешь, и серьезные складки по лбу, и милая головка склоненная, породистая, а затылок и шея в волосинках любимых, и прическа нехитрая, а на руках обручик мой – и весь твой облик гармонический. Породистый, милый... И так потянет к тебе, к твоему обаянию женщины, привлекательности, простоты, ласки, ума, нежности и чудной женственности. Через четыре дня [будет] пять лет нашей любви. А я не могу ни поздравить, ни обручика подарить. Если мы встретимся, я тебе подарю обручик из черной эмали, узенький и плоский, как символ тяжкого года 1917–1918, когда мы пережили столько ужасов и страданий, душенька моя»¹¹.

¹⁰ Там же. Л. 13.

¹¹ Там же. Л. 169–170.

На страницах дневника мы можем встретить и более интимные воспоминания и эмоции. Во время командировки генерала в Закавказье Мара тяжело болела. Эрдели очень переживал по поводу ее здоровья, надеясь, что к его приезду все останется в прошлом. Генерал действительно не смущался своей любви и этих отношений. В одной из тетрадок он упомянул, что допускает возможность чтения дневника другими лицами. Его содержание он видит вполне достойным, ведь кроме интимных страниц в нем немало высоких мыслей о благе родины.

Сохранившаяся часть бумаг охватывает с перерывами период с весны 1918 года, когда Эрдели принимал участие в Ледовом походе, до лета 1919 года, когда генерал стал часто бывать в Екатеринодаре. Общий объем сохранившегося текста более 70 тыс. слов. Эрдели упоминал в тексте, что дневники, которые он вел до осени 1917 года, были зарыты его денщиком Андреем в сарае усадьбы Яновых в Новочеркасске. Кто знает, может быть, они до сих пор где-то там. А письма Мары к нему были им спрятаны на чердаке дома Яновых: генерал боялся, что хозяева уничтожат их после прихода большевиков. Судьба этих бумаг неизвестна. Вероятно, что за прошедшие почти сто лет они уже были обнаружены при ремонте, перестройке или сносе дома, но у никого из наших не возникла мысль позаботиться об их дальнейшей судьбе.

Поскольку дневник известен в виде копий – рукописной и машинописной, то в тексте накопилось изрядное количество ошибок и опечаток. В ходе работы с ним были выявлены искажения, вызванные тем, что переписчики ошиблись в понимании ряда мест дневника и привнесли свою их трактовку. В архивном тексте недостает знаков препинания, что также затрудняет понимание его содержания. Все это потребовало определенной работы по реконструкции изначального смысла текста при сохранении характерной лексики и стиля автора документа. В связи с этим в книге осуществлено цитирование уже отредактированного текста.

Наряду с главным источником из ростовского архива были использованы отдельные документы из фондов Тамбовского и Одесского областных архивов.

В 1994 году в Государственный архив Тамбовской области в соответствии с завещанием В. К. Андреевской была передана собранная ею и ее мужем В. М. Андреевским подборка эмигрантской периодики. Владимир Михайлович Андреевский был крупным тамбовским помещиком, избирался предводителем дворянства Кирсановского уезда, а затем и Тамбовской губернии; в 1906–1917 годах состоял членом Государственного совета. Важно то, что Вера Константиновна Андреевская (урожд. Олив) была родной сестрой Мары Константиновны Свербеевой.

Справочные материалы к фонду Р-5328 дают представление о том, когда и как М. К. Свербеева с детьми покинула Россию, какую жизнь вела в эмиграции. Среди документов этого фонда принадлежащие Андреевскому тексты автобиографического характера, немного фотографий и большое количество разобранных по темам вырезок из белоэмигрантских газет за 1928–1958 годы. К сожалению, в фонде практически отсутствуют письма и личные записки Андреевских, но имеются фотографии сестер Веры Константиновны и Марии Константиновны, сделанные до революции в Петербурге и в период эмиграции во Франции.

В Государственном архиве Одесской области (Украина) хранится семейный фонд Эрдели, поступивший туда на хранение в 1921 году из имения Мостовое Ананьевского уезда Херсонской губернии. Имение принадлежало Владимиру Яковлевичу Эрдели и его потомкам. Владимир Яковлевич приходился Ивану Георгиевичу Эрдели родным дядей.

Основная масса документов этого фонда относится к другой ветви семьи Эрдели, поэтому сведений об Иване Эрдели и его родителях обнаружено там немного. Самой ценной находкой оказались «Советы моим детям» – рукопись, обозначенная в описи как анонимная.

Первое же знакомство с нею позволило признать в ее авторе Георгия Яковлевича Эрдели – отца генерала И. Г. Эрдели. «Советы» содержат наставления финансового и карьерного характера, составленные главой семьи в предчувствии скорой смерти. В рукописи изложено немало суждений по вопросам усадебного хозяйства, что позволяет оценить уровень материального достатка семьи, а также составить представление о распространенных практиках ведения дел, применявшихся наиболее успешно приспособившейся к товарному производству частью южнороссийского дворянства. Этот текст образует и более широкий контекст – характерные для ответственного отцовства той поры представления о воспитании молодого дворянина. Этот документ показывает, в какой среде родился и вырос будущий генерал, какие качества в нем хотел видеть его отец и какой методе формирования личности он должен был быть подвергнут в процессе взросления.

Глава 1. Эпоха юности и надежд: первое пореформенное поколение

Русское дворянство пополнялось выходцами из других земель. Немало служивых людей приходили из Литвы, Германии, Италии, Польши и оставались в русских княжествах, потом в Московском государстве и в Российской империи.

Фамилия Эрдели происходит от венгерского названия Трансильвании – гористого района на севере Балканского полуострова, на котором веками развивалось соперничество Австрии, Венгерского государства и Турецкой Порты. Длительное время жизнь на этой окраине христианского мира была беспокойной, поэтому все уроженцы этих мест были чрезвычайно воинственны. В начале XVI века Трансильвания обрела государственное оформление, но вскоре признала в 1566 году вассальную зависимость от турецкого султана. В это время Трансильвания становится оплотом протестантизма на востоке Европы. В 1687 году в ходе неудачной для турок войны с Австрией княжество Трансильвания было занято войсками Габсбургов. Начался процесс интенсивного окатоличивания. Трансильванские протестанты из старых местных родов отодвигались на вторые роли. И в начале 1750-х годов (называются разные даты переселения) в составе целого обоза сербских, венгерских, валашских семей выходцев из юго-восточных районов Австрийской империи на территорию, названную Новой Сербией, позже ставшей Херсонской губернией, прибыли Шимон Эрдели и его сын, 40-летний вахмистр венгерской службы Пал Эрдели.

Как писал его потомок Георгий Яковлевич Эрдели в своих воспоминаниях: «В 1753 году из Венгрии, Сербии, Черногории, Хорватии (принадлежавших Австрии) в безбрежные пустопорожние земли Украины двинулись переселенцы, искавшие свободы и надеявшиеся начать новую привольную жизнь. Шли они полувоенным порядком, образовав два полка в количестве около 1400 мужчин (с ними шли и их семьи). Предводительствовали этими полками Иван Шевич (вероятно, серб) и Райко Прерадович (его потомки получили фамилию Депрерадовичи). В числе новопоселенцев были сербы Живковичи, Хорват (вероятно, прозвище, данное по его происхождению из Хорватии), Эрдели, Пишчевич и другие. Эрдели являлись потомками крупных венгерских земельных магнатов, не пожелавшими носить в России своего графского титула. Осели они близ тогда же основанного города Елисаветграда (ныне – Кировоград)»¹².

Павел Семенович Эрдели был принят на русскую службу в один из поселенных полков, которые были созданы из балканских переселенцев. К жизни на границе роду Эрдели было не привыкать. Там, в Трансильвании, им веками приходилось жить в постоянных походах и ожидании набегов.

Позднее род Эрдели был внесен во II часть родословной книги Херсонской губернии. Но герб был, как тогда выражались, «высочайше утвержден» лишь в 1893 году¹³.

Уже после того, как Павел Эрдели был уволен со службы в 1770 году в чине секунд-майора, его полк был влит в новый Александрийский 5-й гусарский полк, сформированный в 1773 году из македонских и далматских поселенных полков. В дальнейшем мужчины Эрдели имели особую привязанность к кавалерии, а в 1919 году главноначальствующий на Северном Кавказе Иван Георгиевич Эрдели был особо расположен к александрийским гусарам, стоявшим в Темирхан-Шуре, а с их командиром полковником И. А. Глебовым был дружен. В 1882 году шефом этого полка стал великий князь Николай Николаевич-старший. Вот как

¹² Эрдели Г. Я. Воспоминания. URL: <http://www.mosjour.ru/index.php?id=135> (дата обращения 23.03.2011).

¹³ Эрдели // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Т. XLI. С. 1.

глубоко по времени уходят корни того покровительства, которое оказывал Ивану Эрдели на протяжении всех лет его службы великий князь Николай Николаевич-младший.

А пока, во второй половине XVIII века, Эрдели осваивали целинные земли дарованного царским указом участка. Они основали селения, два из них носили название Эрделевка и находились в 60 верстах друг от друга.

Второе поколение Эрдели на русской земле составили три сына Павла: Яков, Андрей и Степан. Они уже по традиции служили в кавалерийских южнороссийских полках: старший в том же полку, что и отец; средний в Ольвиопольском гусарском полку; младший – в Переяславском легкоконном полку. При увольнении в отставку выше чина VIII разряда не имели.

Третье поколение русских Эрдели уже начинает выделяться на общем фоне губернского дворянства. Владимир Яковлевич Эрдели (1789–1853), ушедший в отставку подполковником артиллерии, был избран Ольвиопольским уездным предводителем дворянства.

Тот факт, что Владимир Яковлевич имел серьезную военную специальность, говорит, что его устройством в кадетское, а потом и военное училище уже было кому заниматься. Повидимому, сыграли свою роль связи отца-подпоручика.

В дворянских семьях ключевым вопросом всегда была судьба сыновей. Их наставляли, определяли на службу, следили за продвижением, способствовали по мере сил их карьере. Успешный сын был гордостью родителей. С начала XIX века детям стали давать образование, соответствующее дворянскому званию, сыновей стремились определить в кадетский корпус, потом в военное училище, дочерей – в институты благородных девиц.

Как известно из офицерской переписки примерно тех же поколений русских дворян, поступить в кадетское и военное училище было непросто, особенно на казенный счет. Чтобы восполнить картину забот семьи о мальчике-дворянине, привлечем донские фонды. Полковник Донского казачьего войска Иван Самойлович Ульянов, большими усилиями поднявшийся по служебной лестнице, хотел помочь своему старшему сыну Павлу. Он, используя привилегию, на которую мог рассчитывать Павел как крестник великого князя Константина Павловича, определил его в кадетский корпус в Санкт-Петербурге и строго наставлял:

«Ты, без сомнения, знаешь, что после кадетского воспитания тебя ожидает шестилетняя кавказская служба. Я не говорю, что ты не должен служить, но мне не хотелось бы ссылать тебя в эту сторону с кадетской скамьи. Ты казак – следовательно, и без того не минешь службы кавказской. Теперь у нас есть примеры, что лучшие кадеты поступают в артиллерию, службу у нас почетную и выгодную по содержанию»¹⁴.

Отец советует сыну подготовиться по «артиллерийским» наукам, а тогда и он похлопочет доставить ему случай закончить начатое.

Опять же благодаря влиянию и хлопотам отца следующий сын, Аркадий, зачислен в не менее престижное, чем артиллерийское, строительное училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий в Санкт-Петербурге на одну из войсковых вакансий и на войсковой счет¹⁵. Но через пять лет, в 1854 году, он отчислен из него за неуспехи в науке и по просьбе отца, которую сам Аркадий и вымолил¹⁶. Иван Самойлович жаловался одному из товарищей:

«Признаюсь, мне тяжело расставаться с надеждами, которые подавало прекрасное училище, но сын одно твердит, что у него нет способностей для головоломной математики»¹⁷.

А Аркадию уже, что называется, вдогонку писал:

¹⁴ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 243. Оп. 1. Д. 33. Л. 163.

¹⁵ Там же. Д. 39. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 17.

¹⁷ Там же. Д. 33. Л. 242.

«Мне тяжело <...> видеть, что я напрасно себя мучил, хлопоча о твоём образовании. Больно, когда подумаешь, что другие отцы едва дадут <...> случай к поступлению детям в учебные заведения...»¹⁸

По-видимому, отцам Эрдели более повезло с сыновьями. Представители третьего и четвертого поколений русских Эрдели показывают хорошие карьерные результаты.

Статусный рост Владимира Яковлевича хорошо прослеживается даже по брачным союзам. Если первой его женой была дочь поручика, то второй – дочь вице-губернатора Херсонской губернии П. П. Брюхачева, девица на 30 лет моложе его.

Его младший брат Георгий Яковлевич (1807–1876) начинал службу уже в столичных полках – в лейб-гвардии Семеновском полку. А после отставки был избран предводителем дворянства Херсонской губернии (1871–1876). Он и стал отцом будущего белого генерала.

Первым генералом среди Эрдели был Феодосий Петрович, представитель того же четвертого поколения, что и Иван Георгиевич, но родившийся почти на 50 лет раньше, чем он, потому что между их отцами – родными братьями – была разница в 37 лет, да и «наш» Эрдели был рожден уже весьма пожилым родителем.

Это поколение Эрдели породнилось уже не только с соседями-помещиками или офицерами-сослуживцами. Александр Семенович Эрдели, занимавший в 1874–1890 годах пост губернатора Херсонской губернии, был женат на Анне Викторовне Лутковской, внучке Е. Г. Темкиной, дочери императрицы Екатерины II и князя Г. А. Потемкина-Таврического. Примечательно, что сменил его в губернаторском кресле генерал-майор Сергей Вильгельмович Олив – дядя Мары Константиновны.

Имена Эрдели находились довольно кучно – на территории Вradiевского района, названного так по имени первого владельца этих земель полковника И. Вradiя, который получил их за храбрость, проявленную в войне против турок. В середине XIX века эти земли были выкуплены представителями рода Эрдели. К началу XX века имена уже были изрядно поделены между наследниками, и размер среднего эрделевского владения составлял около 500 десятин, что на юге не считалось особо крупным поместьем.

Отец будущего белого генерала Георгий Яковлевич Эрдели был самым младшим в семье подпоручика Якова Павловича Эрдели (1750–1821), имевшего к моменту его рождения в 1807 году возраст в 57 лет. Старшие братья и сестры Георгия были уже взрослыми людьми, когда тот появился на свет. Потом эта история повторилась и с его сыном-последышем Иваном, рожденным 63-летним отцом.

В завещании Якова Павловича сказано:

«Сыну моему, Георгию, сел[ение] Эрделиевку, не разделяя строений и заведений, не ставя ему того в честь, ибо на воспитание других употреблено мною немало сумм; а Георгий еще в малолетстве, для воспитания его нужны издержки. Также 75 душ мужского пола, а женского – сколько при них случится»¹⁹.

Георгий Яковлевич начал службу в лейб-гвардии Семеновском полку, затем в Невском морском полку. Несмотря на название, полк был пехотным. Он относился к числу старейших русских полков, будучи сформированным в 1706 году. В основном за годы своего существования он квартировался преимущественно в городах Прибалтийского края, в Санкт-Петербурге, Риге и Финляндии. Это справедливо и для 1830-х годов, когда в нем служил Георгий Эрдели. В отставку он вышел в чине штабс-капитана около 1838 года.

¹⁸ Там же. Д. 40. Л. 379.

¹⁹ Цит.: Калиновский В. Н. Рід Ерделі. Повернення із забуття. Генеалого-краєведческий очерк. Николаев, 2012. С. 63.

Ко времени, когда Георгий Яковлевич был энергичен и полон сил, относится закладка парка в имении²⁰, описанная внуком Георгия Яковлевича и его полным тезкой в воспоминаниях.

Надо упомянуть, что их автор – племянник генерала И. Г. Эрдели, сын его брата Якова Георгиевича Эрдели (1856–1919), земского деятеля и минского губернатора (1906–1912).

Георгий Яковлевич-старший построил в 1850 году в Эрделиевке и новый дом о двадцати восьми комнатах:

«На увитом виноградом западном балконе нового дома дед и его семья проводили все свободное время. Отсюда, посасывая чубук и прихлебывая чай, Егор Яковлевич мог обозревать деревню, лежащую по ту сторону пруда с плотиной, и Большой илях, спускающийся по склону горы и идущий мимо ворот господского двора. Если вдали показывался въезжающий на плотину экипаж, внушавший своим видом доверие, раздавался дедов возглас: „Эй! Люди!“ – и хлопок в ладоши. Как из-под земли выросстал казачок, выслушивал приказание, стремглав бежал за ворота, останавливал экипаж и рапортовал седоку: „Барин приказал доложить, что он очень просит, чтобы вы заехали к нему отдохнуть да отведать хлеба-соли“. Седок, проехавший уже не менее пятидесяти верст (от ближайшей почтовой станции), с удовольствием соглашался. Прием ему оказывался самый любезный. Бывало, такой случайный гость задерживался в Эрделиевке дня на два, на три.

И вот однажды казачок зазвал в дом некоего француза, который был поражен тем, что здесь, в бескрайней степи, свободно говорят на его родном языке, угощают французским вином, швейцарским и голландским сырами, чудесным кофе... Все это располагало к откровенности. Оказалось, что француз – известный садовник-художник и вызван в Россию затем, чтобы распланировать парк при одном из дворцов под Петербургом. Тут у деда блеснула мысль: „Вот кто должен разбить мой парк!“ Стал об этом говорить гостю, но тот замахал руками: невозможно, его ждут в столице! На другой день с утра – то же самое. Разошлись до завтрака. За это время дед принял решительные меры: раздалось обычное „Эй, люди!“, сопровождаемое хлопком в ладоши, и появившийся казачок получил распоряжение: „Кучера приезжего напоить в лоск, гайки от колес отвинтить, спрятать в кладовую, а ключ от кладовой отдать мне!“ Гость, позавтракав, собрался в путь, и тут ему докладывают, что его кучер пьянее дыма, а гайки от колес неизвестно где. Француз рвет и мечет, но обаятельность и любезность моей бабушки, перспектива изысканного обеда и чудесного вечера, непреклонность деда, заявившего, что пока парк не будет разбит, гайки не найдутся, а также обещание щедрого вознаграждения сделали свое дело: француз махнул рукой и принялся за дело. <...>

Будучи подлинным художником в своем ремесле, он пришел в такой азарт, что три дня его не могли оторвать от работы; казачку, посылавшемуся к нему с приглашением „откушать“, он только нетерпеливо бросал: „Да-да, прекрасно, через минуту“ – и не трогался с места. Завершив планировку, он перед отъездом целый день таскал деда за собой, наставляя, что и как надо делать дальше, и предупредил: парк по данному им подбору деревьев будет особенно хорош осенью.

И действительно, парк, вообще изумительно красивый, осенью делался просто великолепен: такой роскошной расцветки осеннего убора я нигде не встречал. Разбит он был по последней английской моде: там казался лесом с естественными лужайками, просветами, перспективами, там имел вид рожицы, там являл собой раскидистые группы дубов, ясеней, лип. Аллеи француз устроил с искуснейшим расчетом: никогда нельзя было и подумать, что идешь всего в нескольких шагах от только что пройденного места; только осенью, когда

²⁰ Жизнеописание выдающихся деятелей лесного хозяйства России. Век девятнадцатый. URL: http://www.lesnyk.ru/vek19_7.html

совершенно опадал лист, весь фокус открывался. Да, чудесный, замечательный был парк! Мне часто приходилось гулять по Дворцовому парку Гатчины, и я поражался его сходством с эрделиевским: возможно, именно в Гатчину спешил тогда наш француз...»²¹

Рядом с новым домом остался стоять прежний небольшой дом, который стали называть Старым. В воспоминаниях Эрдели-внука сказано:

«В Старом же доме было семь жилых комнат. В двух отдельных жил управляющий с семьей, четыре служили для размещения гостей; большой проходной зал, где в старину плясали деды, превращался осенью в „заготовочную“: свозились телеги капустных кочанов, и несколько женщин в течение восьми-двенадцати дней шинковали капусту, солили, трамбовали в бочки; там же зимой и перед Пасхой „разбирали“ зарезанных кабанов, быков. При доме имелось два погреба. Таких я больше нигде не видел! В глубь земли уходила лестница; она вела под обширные каменные своды. В один из погребов ссыпали неимоверное количество картошки, другой был усыпан толстым слоем влажного песка, в который по осени втыкали сотни корней петрушки, моркови, так что всю зиму мы имели свежую зелень и овощи»²².

Других надежных сведений о том, как провел лучшие годы своей жизни Георгий Яковлевич-старший, нет. Хотя и сохранились его «Советы моим детям», содержащие наставления экономического и карьерного характера, в которых встречаются некоторые упоминания о том, как и чем он жил в эти годы, но они дают лишь общий абрис судьбы отставного офицера и рождают больше вопросов, чем содержат ответов. Этот примечательный документ помещен в приложении к книге. Он составлен престарелым отцом семерых детей²³ в состоянии сильного беспокойства за их судьбу. Там он дает им и еще молодой своей жене Леониде Никоноровне, урожденной Тулубьевой, наставления по поводу того, как им жить после его смерти. Он был болен и не сомневался, что дни его сочтены.

Сохранилась лишь вторая часть его записок, напоминающих завещание. Они начаты 25 февраля 1871 года. Последняя запись сделана 15 июля 1875 года, за полгода до смерти Георгия Яковлевича. Записки начинаются с фразы: «Прошло два года, любезное мое семейство, как я прекратил мои заочные советы тебе!»²⁴ Заочные, по-видимому, потому, что Георгий Яковлевич, будучи избранным предводителем дворянства Херсонской губернии, стал жить в Херсоне – в 250 верстах от дома. Но возможно, что были и другие причины, и другое место обитания главы семейства. Прямых указаний на это не сохранилось.

Отчего же немолодой и больной человек согласился занять пост губернского предводителя дворянства? Ведь в своих записках о всякой выборной деятельности он отозвался так: «Не стоит брать плуг в руки ранее 40 лет или даже служить по выборам общества. Последнее вреднее первого»²⁵.

Это нередкое настроение среди дворян. Представители донского казачьего семейства Ульяновых, чьи сохранившиеся фамильные архивы вызывают параллели с перипетиями эрделиевских судеб, высказывались в близкой тональности. Павел Иванович Ульянов (1828–1889) вышел в раннюю отставку под предлогом болезни и занялся хозяйством в приобретенной его отцом экономии «Мираж», расположенной в самой западной части земель войска Донского. Павел в своих письмах к отцу с большой иронией отзывался о жизни местного дворянского сообщества, отмечая его мечтательность и склонность смешивать собственное

²¹ Эрдели Г. Я. Воспоминания // Московский журнал. История государства Российского. 2009. № 1 (217). URL: <http://mj.rusk.ru/show.php?idar=801567> (дата обращения: 24.01.2017).

²² Там же.

²³ Восьмой ребенок – Александра – умерла в 1858 году, не достигнув годовалого возраста.

²⁴ Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

²⁵ Там же. Л. 4 об.

честолюбие и общественную деятельность: «чают унаследовать Царствие Небесное» и прославиться. Самому ему тоже приходилось служить на выборных должностях, но он соглашался на это только в самых крайних случаях:

«Сижу дома, но мне необходимо быть у предводителя дворянства, который грозит мне новым каким-то выбором на службу. Но ведь я три года еще недавно отслужил – и не боюсь, т. е. могу отказаться. По назначению служить ни в коем случае не буду, потому что это значит зависеть от какого-нибудь сатрапчика»²⁶.

Должность губернского предводителя дворянства, которую в 1871–1876 годах занимал Георгий Яковлевич Эрдели, исполнялась безвозмездно, то есть непосредственной корыстной заинтересованности у главы многодетного семейства быть не могло. При этом должность была довольно хлопотной. Закон предусматривал членство губернского предводителя дворянства во множестве комиссий, посредством которых осуществлялась координация деятельности правительственных учреждений и согласование интересов различных сословий на губернском уровне.

Некоторую подсказку в отношении мотивов Г. Я. Эрдели можно усмотреть в процедуре выдвижения и утверждения на пост, о котором идет речь. Свободного выдвижения кандидатов в губернские предводители не было, кандидатами становились по должности. Первым голосовали за действующего губернского предводителя, затем за всех бывших губернских предводителей, следующим кандидатом был попечитель гимназии, затем уездные предводители, занимавшие должности в последнее трехлетие, и затем вновь избранные уездные предводители. Георгий Яковлевич оказался в числе претендентов, поскольку ранее, по-видимому, был избран уездным предводителем дворянства. Косвенно на это указывает наличие у него чина V класса (статский советник), в котором утверждались те, кто по выслуге трех трехлетий пребывания в должности имел на него право. Губернские предводители утверждались в чине V класса по выслуге двух трехлетий, но Георгий Яковлевич не успел пробыть в этой должности положенных лет, скончавшись раньше.

Жалованье предводители дворянства всех уровней не получали, но имели право на пенсию, судя по всему, это право у Г. Я. Эрдели уже было. Так почему же он не отказался, будучи выдвинут в губернские предводители повторно? По «Своду законов о состояниях» дворянами губернии избирались два кандидата, набравшие наибольшее число голосов, затем, через министра внутренних дел, кандидатуры представлялись императору, который назначал одного из них по своему усмотрению губернским предводителем дворянства. Оправданное службой личное доверие государя подразумевало возможность обратиться к нему с частными ходатайствами, в частности о судьбе детей.

Георгий Яковлевич намекал о чем-то подобном в своем завещании:

«...Попа [сын Павел. – О. М.] посылается в морское училище, а Ваня принят в кандидаты на пажа. Если удадутся эти два последних предприятия, что Попа и Ваня будут воспитываться на казенный счет, то это немалое облегчение в расходах, не менее как на 1.500 руб. в год и более»²⁷.

По-видимому, жертвенная служба вызвана стремлением возложить на государство заботу о воспитании своих младших сыновей. Отец понимал, что самому это сделать уже не удастся.

К слову, Ивану не пришлось учиться в самом элитном военно-учебном заведении Российской империи – Пажеском корпусе, но он закончил Николаевский кадетский корпус. Не менее престижное военное заведение, однако, в корпусе не было казеннокоштных мест, а

²⁶ ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 37. Л. 71.

²⁷ ГАОО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

плата за обучение была значительно выше, чем в других подобных заведениях²⁸. Впрочем, как писал о своих сыновьях Георгий Яковлевич: «Собственной материальной поддержки у них довольно для всякой службы»²⁹. Но у него было еще три дочери, и каждой нужно было собрать приличное приданое – 20 тыс. руб. Режим экономии соблюдался еще и по этой причине.

Итак, мотивы несения службы по выбору дворянства ясны, как и причины написания этих «Советов моим детям». Но что они могут рассказать о личности Георгия Яковлевича?

В них он предстает как опытный помещик и хозяин. Он не только описывает состояние дел в имении, но и учит приемам хозяйственного мышления; делает подсчеты и объясняет мотивы тех или иных своих действий; пытается объяснить, как работает механизм товарной сельскохозяйственной экономии. Мы можем почувствовать, что поместье – это его жизнь, это подлинная страсть. Не случайно на память приходит другой помещик, автор известных писем «Из деревни» А. Н. Энгельгардт, который так и писал:

«...Решительно ни о чем другом ни думать, ни говорить, ни писать не могу, как о хозяйстве. Все мои интересы, все интересы лиц, с которыми я ежедневно встречаюсь, сосредоточены на дровах, хлебе, скоте, навозе... Нам ни до чего другого дела нет»³⁰.

По-видимому, Георгий Яковлевич не сразу постиг науку хозяйствования. Известно, что он потерял одно из имений, заложенное в Земельный банк, – хутор Бордюжа. Но и оно осталось в семье, поскольку было выкуплено его племянником Николаем Владимировичем Эрдели³¹. Но в дальнейшем он умело маневрировал, получая за счет залога имения в банке свободные средства для решения хозяйственных и семейных вопросов, в итоге преумножая свое достояние.

Из архивного текста известно, что он любил путешествовать, находил время съездить и в столицу, и за границу. В «Советах моим детям» он излагает требование, чтобы в детстве детей отправляли за границу на несколько лет: для того, чтобы овладели европейскими языками:

«С новыми [в отличие от древних, латыни и греческого. – О. М.] языками можно составить хорошую и скорую карьеру в морской службе и по Министерству иностранных дел»³².

Подходящим для своих детей он признает только столичное образование. Но не из снобизма и соображений престижа. Только в Санкт-Петербурге, по его мнению, можно усвоить правильный настрой мысли:

«Окончательно образовывать Попу [Павла. – О. М.] и Ваню, конечно, надо в Петербурге, другим местам я не верю и более [всего] заведению в Одессе. – Одесса довольно уже убила Эрделиев. В Петербурге они [сыновья. – О. М.] усвоят и мысль, что надо служить, то есть работать. Они будут всегда видеть там юношей, которые готовятся для государства и общества. От Москвы и до Одессы они увидят только тех фатов, которые, проповедуя о социализме и коммунизме, отрицая собственность, чтобы на оставленную им отцами собственность распутствовать, пренебрегают и дичиться порядочного общества. Конечно, в ресторации гораздо легче быть героем, чем в обществе образованных людей, да даже на балах и в порядочных семействах»³³.

²⁸ Николаевский кадетский корпус // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXI. С. 108.

²⁹ ГАОО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

³⁰ Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1956. С. 207.

³¹ Калиновский В. Н. Указ. соч. С. 63.

³² ГАОО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

³³ Там же. Л. 6.

Каких «Эрделиев», убитых Одессой, имел в виду Георгий Яковлевич? Может быть, тех, что стали активными земскими деятелями? Таковых в роду было немало. Александр Семенович Эрдели (1825–1898), выпускник не только Царскосельского, но и Одесского Ришельевского лицея, с 1865 года стоял у истоков южнороссийского земства, сначала уездного, потом и губернского. При его участии началось становление системы земского образования и медицины. Одновременно с этим он состоял мировым судьей Елисаветградского уезда. В 1874 году он был назначен губернатором Херсонской губернии и в этой должности пребывал более пятнадцати лет. Сергей Павлович Эрдели (1834–1897) – председатель Херсонской земской управы в 1874–1892 годах. Николай Владимирович Эрдели был гласным Ананьевской уездной земской управы в 1876–1897 годах, его сын Борис продолжил вслед за отцом земскую деятельность. К сожалению, сведений об образовании этих лиц не имеется, поэтому полноценный вывод о том, что имел в виду Георгий Яковлевич, говоря об «убитых Одессой», сделать нельзя.

Пренебрежение к знакам препинания породило вероятность двоякого толкования одного отрывка из его записок. 25 февраля 1871 года Георгий Эрдели писал:

«...Я по сделанной на службе привычке не мог уже увлекаться мотовством, идя терпеливо со своими делами; ездил в Петербург, за границу два раза женился еще, и всем тем не только не промотал наследства, но нажил для вас семерых имение...»³⁴

Получается этакая амфиболия: то ли за границу ездил дважды, то ли был женат дважды.

Если достоверен второй вариант (а для этого есть некоторые основания), то это отчасти объясняет имеющиеся неувязки в генеалогических базах данных. Дата рождения его супруги Леониды Никаноровны указана как 1843 год, а старшая дочь родилась в 1853 году. Конечно, может быть, что Леонида в действительности родилась где-то в начале 1830-х годов³⁵. Но в любом случае странновато, что, выйдя в отставку около 1838 года, Георгий Яковлевич женился только в начале 1850-х.

Возможно, что первый брак был бездетным, и все дети родились во втором браке. Но возможно, что не все дети Георгия Яковлевича были рождены Леонидой Никаноровной. Даты рождения детей таковы: 1853 (Ольга), 1854 (Георгий), 1856 (Яков), 1858 (Александра), 1859 (Вера), 1861 (Павел), 1868 (Леонида), 1870 (Иван)³⁶. Обращает на себя внимание перерыв между рождением Павла и Леониды в семь лет. Косвенно версию о вдовстве и повторной женитьбе может подтвердить тот факт, что в «Советах моим детям» Эрдели выражал желание, чтобы его вдова была экономически независима от детей. Он требует наделить ее недвижимой собственностью, купив специально для нее земельное владение. Но все это лишь предположения.

Одно несомненно, что матерью Ивана была Леонида Никаноровна Тулубьева. Известно о ней немного. Судя по всему, она была бесприданницей. Стремление супруга обеспечить ее свидетельствует об этом, как и вероятная большая разница в возрасте в 36 лет.

В Государственном архиве Одесской области сохранилась переписка той ветви семьи Эрдели, которую основал родной брат Георгия Яковлевича – Владимир (1798 г. р.), сын

³⁴ Там же. Л. 5.

³⁵ По данным родословной Тулубьевых, составленной современными представителями этой семьи, отец Леониды майор в отставке Никанор Ефимович Тулубьев род. в 1825 г., поэтому ее рождение в 1843 г. выглядит более вероятным. Кроме того, ее детьми там числятся Георгий, Леонида, Яков и Иван, хотя даты рождения указаны в ряде случаев иные, чем в родословной Эрдели, напр., Георгий рожден в 1862 г., Леонида в 1867 г., Яков и Иван – в 1870 г. По-видимому, сведениям в этой их части доверять нельзя. См.: URL: <http://www.tulubieva.ru/about.htm> (дата обращения 24.10.2013).

³⁶ База данных сайта «Родовое гнездо», редактор – М. Линниченко. URL: <http://rodovoyegnezdo.narod.ru/Kherson/Erdely.html> (дата обращения 12.10.2013).

его Николай Владимирович (1848–1902) и его потомки. В одном из писем, подписанном А. Эрдели (инициал не расшифрован, дата не указана), говорится:

«Я слышал, что Ольга была больна лихорадкой, пишите, пожалуйста, что они делают; скучает ли Леонида Никаноровна по-прежнему. <...> Скажи, пожалуйста, Егору Яковлевичу³⁷, что его карточки вышли порядочно и что я их скоро вышлю. Поклонись им всем от меня и скажи, что желаю поскорее с ними встретиться, но в Эрделевке нет, что херсонская Леонида Никаноровна мне не нравится»³⁸.

В другом письме, датированном 19 января 1872 года (автор – женщина из клана Эрдели), также сообщается об интересующих нас людях:

«А Егор Яковлевич с женой и дочерью переехали на жительство в Херсон и скоро дадут громадный блестящий бал, чтобы повеселиться вдоволь»³⁹.

Вероятно, что речь идет о переезде в связи с исполнением обязанностей губернского предводителя дворянства. Упомянутой в письме дочерью, скорее всего, была старшая Ольга, которой на тот момент было уже девятнадцать лет, и вывоз ее в губернский город мог быть связан с намерением подыскать ей жениха. Она действительно вскоре вышла замуж за Павла Александровича Зеленого (1840–1912). Это был не известный одесский градоначальник, высмеянный дрессировщиком В. Дуровым⁴⁰, а его родственник и полный тезка.

Георгий Яковлевич Эрдели умер 3 февраля 1876 года. У него было восемь наследников: вдова и семеро детей – Ольга, Георгий, Яков, Вера, Павел, Леонида, Иван. После смерти мужа Леонида Никаноровна оказалась владелицей села Копанка⁴¹. При сдаче в аренду эта земля приносила при жизни ее мужа ежегодный доход в 3 тыс. руб. Но судя по тому, что хранящийся в архивно-исторической коллекции Кировоградского областного краеведческого музея план села Копанка снят с чертежа, находящегося при деле Земского банка Херсонской губернии, имение было к 1889 году уже заложено. А оно было немаленьким и богатым. Землемер так описал это владение:

«...Под господским двором и садом 1 дес. 1200 саж., бывшим старым током 1 дес. 2100 саж., старым загоном и постройками 1500 саж., под бывшим старым амбаром 200 саж., кирпичным заводом 360 саж., левадою ниже плотины и бывшей водяной мельницы 2 дес. 950 саж., господским трактиром 400 саж., усадьбою церковнослужителей 654 саж., двумя экономическими усадьбами и садом 1 дес. 4 саж., селищем и бывшим садом 11 дес. 2092 саж., под прудом и истоками 11 дес. 900 саж., берегом для очистки пруда по 6 саж. – 1 дес. 240 саж., из общего выгона 26 дес. 2230 саж., итого 59 дес. 830 саж.; полевой, пахатной и сенокосной 528 дес. 400 саж., под болотистыми местами и истоками 4 дес. 344 саж., садом и левадою при меже села Эрделиевки 5 дес. 410 саж., под дорогами 2 дес. 900 саж. <...> А всего в окружной меже, за исключением крестьянской, 599 дес. 484 кв. саж.»⁴²

В 1889 году Леонида Никаноровна все еще вдова – «статская советница Эрдели». В списке землевладельцев Елисаветградского уезда на 1908–1909 годы она уже значится женой генерал-лейтенанта Александра Николаевича Ободова⁴³, а в документах 1913 года – его вдовой.

³⁷ Георгия Яковлевича нередко называли Егором, и часть детей его писались по отчеству Егоровичи, другие – Георгиевичи.

³⁸ ГАОО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 2. Л. 116 об. – 117.

³⁹ Там же. Л. 104.

⁴⁰ Манвелов Н. В. Обычаи и традиции Российского Императорского флота. М., 2008. С. 163–164.

⁴¹ Кировоградский областной музей. Ф. 6485. АИ № 1050. Цит. по: Калиновский В. Н. Указ. соч. С. 64–65.

⁴² Цит. по: Калиновский В. Н. Указ. соч. С. 64.

⁴³ Оводов Александр Николаевич (р. 30.3.1844). Окончил Нижегородский кадетский корпус (1863 г.), Павловское военное училище (1864 г.) и Михайловское артиллерийское училище (1865 г.). В 1875 г. произведен в капитаны, в 1877 г. – в подполковники, в 1881 г. – в полковники, а в 1895 г. – в генерал-майоры. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Герой нашей книги Иван Георгиевич родился 15 (27) октября 1870 года в селе Эрделиевка. О ранних его годах ничего не известно. Знаем только, каким хотел видеть его детство умудренный жизненным опытом отец: с 8–9 лет жизнь за границей, потом учеба в Пажемском корпусе. Была ли реализована программа в первой ее части, наверняка сказать трудно. Но европейские языки генерал знал хорошо. Не случайно командованием ВСЮР ему неоднократно поручались дипломатические миссии. Но в Пажемский корпус Иван не попал, окончив Николаевский кадетский корпус – учебное заведение также не из разряда бросовых.

Среди Эрдели не было радикалов – ни правых, ни левых. Для них типичны два варианта жизненного пути: первый – недлительная военная служба, уход в отставку и занятие сельским хозяйством, одновременно участие в местных делах по дворянской и земской линии; второй – выбор военной карьеры как дела жизни.

Один из старших братьев генерала Яков Георгиевич (Егорович) (1856–1919) пошел по первому пути. Он закончил гражданское учебное заведение Александровский лицей и поступил на службу по Министерству внутренних дел с откомандированием в распоряжение рязанского губернатора. В ноябре того же года на правах вольноопределяющегося перешел на военную службу в лейб-гвардии Гусарский его величества полк. Этот полк был «закреплен» за Эрдели. Впрочем, как и другие гвардейские кавалерийские части, ведь Эрдели продолжали считаться «венгерцами».

В марте 1879 года Яков был произведен в корнеты, а в мае того же года уволился от военной службы для поступления на гражданскую. Надо отметить, что по характеру изучаемых дисциплин, он готовился для исполнения гражданской службы, так как в 1850–1870-е годы учебные программы лицея все больше приближались к курсу юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

С 1882 года Яков Георгиевич жил в своем имении в Елисаветградском уезде Херсонской губернии, посвятив себя ведению хозяйства и общественной деятельности. С первых же дней сельской жизни он избирался гласным уездной управы, почетным мировым судьей, уездным предводителем дворянства. Успешная работа по линии народного образования (в течение почти двух десятилетий председатель правления Елисаветградского земского реального училища) способствовала его производству в действительные статские советники по представлению министра народного просвещения.

В 1906 году, накануне введения земства в западных губерниях, был назначен минским губернатором и пробыл на этом посту более шести лет. В октябре 1912 года был избран в члены Государственного совета от Херсонского земства, в котором занимал центристские позиции. Погиб в 1919 году во время анархо-махновской власти в Елисаветграде, будучи арестованным как брат белого генерала.

В одной из опубликованных ранее монографий автор ставил задачу выявить причины чувствительности представителей разных сословий к леворадикальным идеям. Ее решение, далекое от полноты, осуществлялось путем сравнения этапов взросления тех, кто ушел в оппозиционный лагерь, и их ровесников, избежавших этого. Один из факторов был связан с тем, что в предреформенное и пореформенное время дворянские семьи оскудевали, их отпрыски оказывались в поиске новых путей жизни и новых идеалов, на обанкротившиеся отцовские стандарты жизнеустройства они смотрели свысока. Нарастание экономических проблем в этом слое благоприятствовало не только появлению бунтарей. У рано повзрослевших молодых людей формировалась тяга к получению практических знаний, что и обеспечивало им отсутствие интереса к кружковой деятельности и пустым разговорам. Известный географ и путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский (1827–1914) рано лишился отца и

С 1879 г. командир 17-й конноартиллерийской батареи, с 1892 г. – 29-го драгунского полка, с 1895 г. – 2-й бригады 12-й кавалерийской дивизии. С 1896 г. командир 2-й отдельной кавалерийской бригады. 12.12.1900 г. уволен в отставку с производством в генерал-лейтенанты.

провел несколько лет, ухаживая за душевнобольной матерью. В юности вместе с близким другом Н. Я. Данилевским, братьями Майковыми, Д. В. Григоровичем, Ф. М. Достоевским, М. Е. Салтыковым-Щедриным он посещал кружок М. В. Буташевича-Петрашевского, но активистом, как и многие его завсегдатаи, не стал. В воспоминаниях он писал о себе, что с восторгом прислушивался к далекому для него шуму борьбы за свободу, но сам борьбы не затевал и революционером не был⁴⁴. Бремя ранней ответственности ощутил на себе и А. И. Деникин: с 15 лет он выполнял отцовский завет, данный перед смертью, беречь мать.

Семья Эрдели в этом смысле была благополучной, в пореформенное время она была на подъеме благосостояния. У ее молодых членов были вполне четкие перспективы в жизни, чем они и пользовались. Дробление имений у наследников различных ветвей Эрдели приводило их в ранг среднепоместных. Но земли были черноземные, Херсонская губерния входила в зону товарного сельского хозяйства, разветвленная сеть железных дорог и близость портов помогали избегать больших затрат на транспортные расходы. Эрдели на рубеже XIX–XX веков только-только начали спускаться с достигнутого их отцами пика материального достатка. Понимая это, они немало усилий прилагали на общественном и служебном поприще, компенсируя недостаток доходов от земельной собственности за счет чиновничьего и офицерского жалованья, связей в бюрократическом мире, доступа ко двору.

Будущий генерал Иван Эрдели потерял отца, будучи шести лет от роду. Он унаследовал 594 десятины при деревне Краснополь Эрделевской волости Елисаветградского уезда Херсонской губернии. Имение называлось хутор Роща. На 1911 год оно составляло 408 десятин. До губернского города – 250 верст, уездного – 55 верст. Ближайшая железнодорожная станция Плетеный Ташлык находилась в 20 верстах. Не так плохо для земледельческого хозяйства. Рядом находилась земля его брата Якова.

В возрасте десяти лет он был определен в Николаевский кадетский корпус. В ближайшем уездном городе – Елисаветграде – тоже было училище, но юнкерское. Кавалерийским оно стало только в 1902 году. Родные юного Ивана, наверняка заботясь о его последующей карьере, отправили мальчика в одно из самых перспективных столичных училищ, через которое прошли и многие из них.

Николаевским кадетам разрешалось иметь лакеев, носить шашку и заниматься верховой ездой в манеже Николаевского кавалерийского училища, куда многие из выпускников поступали после кадетского училища. В 1887 году Иван окончил корпус и стал юнкером этого училища с двухлетним курсом, однако с пропуском в один год, причина которого неизвестна. По-видимому, это было связано с семейными обстоятельствами.

Традиции этого элитарного военного учебного заведения были описаны его выпускниками – Евгением Вадимовым в эмиграции и Владимиром Сергеевичем Трубецким в среднеазиатской ссылке⁴⁵. Наряду с официальным уставом жизнь училища регулировала некая «славная традиция», называемая «цуком». Это обычай беспрекословного подчинения младшего курса («зверей», «скифов» и пр.) старшему («благородному корнетству»). Вадимов вспоминает «цук» как что-то забавное и необременительное для «зверей», поскольку старшим запрещалось оскорблять личное достоинство младших и исключалось рукоприкладство – за это обеим сторонам грозило немедленное изгнание из училища. Трубецкой был настроен иначе к «славной традиции». Он называл «цук» беспощадным и считал его системой издевательств старших над младшими. По его версии, «цук» якобы был введен обучавшимся в училище в 1832–1834 годах Михаилом Юрьевичем Лермонтовым⁴⁶. Вадимов

⁴⁴ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Детство и юность // Русские мемуары. Избр. страницы. 1826–1856 гг. М., 1990. С. 402, 488–490.

⁴⁵ Вадимов Е. Корнеты и звери («Славная школа»): очерки. Белград, 1929. URL: <https://archive.org/details/kornetyizvierisl00vadi> (дата обращения 12.08.2013).

⁴⁶ Трубецкой В. С. Записки кирасира: Мемуары. М., 1991. С. 210.

же сообщал о проведенной шпорой Лермонтова по полу курительной комнаты полос, разделявшей помещение на зоны для «зверей» и для «корнетов». Всякое нарушение пространства сопровождалось окриком «Пол обвалится!». Участие в системе «цука» было добровольным. Но уклонившийся выходил в армию с клеймом «отказника» и ни в одном полку не был бы принят за своего.

Трубецкой объяснял причину столь нежного в последующем отношения выпускников училища к этой традиции тем, что тяжести первого года всегда сглаживались, и «всякий цукаемый первокурсник на второй год превращался из цукаемого в цукающего»⁴⁷. Он также противопоставил Николаевское кавалерийское училище Пажескому корпусу, в котором процесс обучения длился девять лет, переводы из других учебных заведений не допускались, и в силу кастовости и замкнутости в нем царила, по словам Трубецкого, «особая печать утонченного благообразия и хорошего тона». Принцип «цука» был не чужд и пажам, однако там все это не выходило из рамок человеческого достоинства и строгого приличия. Впрочем, бывший паж Петр Александрович Кропоткин писал, что и в Пажеском корпусе нравственная атмосфера была отвратительной⁴⁸.

Примечательно то, что гораздо позже, уже в эмиграции, товарищ генерала Н. Н. Духомина по Александровскому военному училищу писал о теплых отношениях между юнкерами старшего и младшего курсов, назвал это одной из наиболее ценнейших традиций этого училища, отличавшей его от других военных заведений⁴⁹.

Как мог отразиться на характере будущего генерала этот специфический юношеский опыт? Он научился подчиняться, но и командовать, то есть усвоил полезные социальные роли. Наглядные уроки изъязнов пребывания на нижних ступенях иерархии нацеливали на карьерный рост. Был усвоен принцип ценности корпорации. Так, в годы Гражданской войны он, как русский генерал, не мог принять поступок другого русского офицера, который поклялся служить государству, возникшему на развалинах их общей родины⁵⁰. Навыки выполнения прихотей «благородных корнетов» пригодились генералу в 1919 году в Порт-Петровске. Когда он поселился в лучшей когда-то гостинице города, то смог самостоятельно справиться с недостатком комфорта: «Номер сырой, холодный, грязный и неудобный. Начал с очистки, мытья пола, потом раскрыл замазанное окно, и в первый раз за неделю, кажется, номер оказался проветренным»⁵¹.

Кадетский корпус и кавалерийское училище сделали свое дело и воспитали образцового офицера. А среди природных наклонностей Ивана Эрдели была необыкновенная музыкальность. Это была семейная эрделиевская черта. Среди родственников Ивана Георгиевича две знаменитые арфистки – двоюродная сестра Ксения Александровна Эрдели и внучатая племянница Ольга Георгиевна Эрдели.

⁴⁷ Там же. С. 82.

⁴⁸ *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1988. С. 78–79.

⁴⁹ Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. Р-5328. Оп. 1. Д. 47. Л. 25.

⁵⁰ Известие об избрании гетманом Украины Скоропадского, бывшего кавалергарда и командира конной гвардии, И. Г. Эрдели сопровождает ремаркой, что он также владелиц гостиниц в Орле и Белгороде. Вот быть помещиком-землеладельцем, как все Эрдели или как зять Мары В. М. Андреевский, это благородно, но содержанием постоялого двора – это не по-гусарски. В Болгарии, где был проездом в Салоники для переговоров с союзным командованием на Балканах, генерал встретил сослуживцев по Генеральному штабу, которые успели послужить в украинских частях у Скоропадского и Петлюры, а теперь хотели бы присоединиться к Добровольческой армии, но боялись, что будут вопросы по поводу их подданства и службы. Он адресовал им на бумаге гневную отповедь: «А что думали раньше? Уж эта слабая, неустойчивая интеллигенция, дряблая, безвольная, все готовы продать, лишь бы только достигнуть собственного, личного спокойствия и благополучия. Близорукие люди, дальше своего носа ничего не видят» (ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 228). При личном общении генерал, отличавшийся деликатностью, по-видимому, говорил обычно несколько иное, например, что службой можно искупить ошибки, рожденные тяжелыми обстоятельствами.

⁵¹ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 31.

Будущий генерал обладал абсолютным музыкальным слухом и был в высокой степени эмоционально восприимчив к мелодическим образам. Сила и яркость вызванных музыкой впечатлений, смысловых ассоциаций и психологических переживаний были одним из способов его эмоциональной релаксации и восстановления сил от физических и эмоциональных нагрузок. Музыка на страницах его дневника посвящено немало восторженных слов. Казалось, дневные стрессы вечером сторают в звуках музыки. Эрдели не был любителем вина и сигарет, подлинное удовольствие и расслабление ему давали музыка и хорошие книги.

Иван Георгиевич был человеком эмоциональным. Это родовое качество было отмечено в воспоминаниях его племянника Георгия Яковлевича, сына бывшего минского губернатора: «Следует прибавить, что все Эрдели обладали кипящим темпераментом, перешедшим с венгерской кровью: мгновенно зажигались, вспыхивали, но так же быстро успокаивались»⁵². Экспансивность Эрдели нашла выражение и в их частной жизни.

В том, что личная жизнь представителей этой семьи не всегда подчинялась общественным правилам, виновата не только горячая кровь, но и постепенное ослабление давления внешнего мнения на поведение отдельного человека. Вернее будет выразиться так: неконвенционное поведение существовало всегда, но в пореформенное время и позже его все меньше стыдятся и скрывают. Быть «не как все» на фоне философски-нравственного переосмысления старых ценностей искусством Серебряного века становится даже модным.

Уже отмечалось, что основным поводом к написанию данной книги стал факт существования писем-дневников Ивана Георгиевича к Маре Свербеевой, с которой его связывали не освященные церковью и не признанные обществом чувства и отношения, в связи с чем небезынтересно, какие обыкновения в области сердечных дел проявлялись другими членами семьи Эрдели.

Знакомство с перепиской владельцев имения Мостовое дает представление об их частной жизни. Двоюродный племянник генерала Борис Николаевич Эрдели (род. в 1876 году) и его жена Вера Константиновна (урожд. Дитц) в 1908–1910 годах оказались у разрушенного супружеского очага. По некоторым фразам из писем можем судить, что у Бориса Николаевича появилась пассия – худая как вобла, так ее описала в письме законной жене Вере Константиновне некая соседка по фамилии Супруженко. Она называет ее также «mademoiselle». Возможно, это была гувернантка сыновей Б. Н. Эрдели. Супруженко описывает ее возвращение из Одессы, откуда Борис Николаевич привез ее на автомобиле⁵³. Дата на письме отсутствует.

Также недатированное письмо некоего Шмуля представляет собой кляузу на гувернантку по фамилии, начало которой удалось прочитать как «Четвери». Она, гуляя с маленьким сыном Бориса Николаевича, ходит в деревню и там общается с простыми парнями, которые не следят за своей речью в присутствии маленького мальчика. Чему он там научится, подумать страшно, сообщает обеспокоенный обыватель.

В период семейного кризиса мать Веры Константиновны, живущая в Санкт-Петербурге или в Москве (известно, что на улице Моховой), общается посредством переписки с зятем и дочерью. По законам жанра отношения с зятем у нее напряженные, поэтому в ее письмах нет упреков в его адрес, она только осторожно выражает сочувствие своей дочери.

Перед началом войны с Германией, казалось, тучи рассеялись. Мать шлет в имение к дочери новую учительницу и выражает надежду, что, став мировым судьей, Борис Николаевич будет более занят и перестанет быть таким нервным⁵⁴. Переписка, датированная весной 1916 года, свидетельствует, что семейный мир ненадолго утвердился в имении. В это время,

⁵² Эрдели Г. Я. Воспоминания. URL: <http://www.mosjour.ru/index.php?id=135> (дата обращения 23.03.2011).

⁵³ ГАОО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 2. Л. 155.

⁵⁴ Там же. Д. 28. Л. 162.

до мая 1916 года, Борис Николаевич находился в действующей армии по линии Красного Креста. Но вскоре, в августе, опять разлад.

Явно к военному времени относится письмо некой Елены, которая после окончания курсов, вероятно сестер милосердия, собирается ехать на фронт. Но перед этим она хочет повидаться с Борисом. Это для нее крайне важно, она настаивает на их встрече, не принимая никаких отговорок. Возможно, именно эта встреча повлияла на судьбу брака Бориса и Веры. В августе 1916 года Вера Константиновна была вынуждена уехать из поместья, оставив там детей. Ее мать возмущена: «негодзяка» будет жить в поместье! Она будет заниматься хозяйством! Оказывается, Вера Константиновна разводила в имении коров. Оставлены не только четверо детей, но и милые симменталки.

Но и Вера Константиновна жертва лишь отчасти. Она еще не свободна, пока ее муж только настаивает на разводе, но уже не одна. Около нее обнаруживается присутствие некоего «Гр. И.», человека с тяжелым характером. Это коробит родственников с обеих сторон. Во время бракоразводного процесса мать Веры расстроена намерением дочери вновь связать себя узами брака⁵⁵. Любопытно адресованное Вере письмо сестры Евгении, которое показывает, насколько изменилось по сравнению с прежними временами женское поведение:

*«Очень жаль, милая Вера, что ты не живешь здесь, мы бы с тобой повеселились. Вчера я встретила в клубе „Кахо“. Он говорит, что хорошо помнит тебя и очень тебе симпатизирует. Теперь он в отставке и не живет с женой, а ходит по дамским клубам. Я думаю, что ты его помнишь»*⁵⁶.

При таком наложении темперамента и среды семейная жизнь Ивана Георгиевича не обещала быть спокойной. Особенно для его законной жены.

Первым браком Эрдели был женат на Марии Александровне Кузминской (1869–1923), родной племяннице Софьи Андреевны Толстой. Ее матерью была Татьяна Александровна Берс, чья судьба и черты характера были положены Л. Н. Толстым в основу образа Наташи Ростовы.

Иван был моложе Марии на год. Они познакомились, когда ему было 17 лет, и именно этот факт мешал их родителям дать согласие на брак. Он производил впечатление «жалкого, слабого, чистого и нежного мальчика». Мария была безоглядно влюблена, впрочем, как и юный Иван. Между началом знакомства и свадьбой прошло четыре года.

Иван Эрдели как жених Маши Берс фигурирует на страницах дневников самого Толстого и его жены Софьи Андреевны. Он появляется в дневниках графини Толстой в декабре 1890 года. Из дневника Софьи Андреевны:

*«23 декабря. <...> Сегодня... приехала Маша Кузминская с Эрдели, мне неприятно было, что с **ним**, – и я не скрыла. <...>*

24 декабря. <...> Маша Кузминская с Эрдели не особенно приятны: ни то ни се, объявить женихами не велят, а ведут себя так. Моя Маша жалка своей худобой и грустью. <...>

*25 декабря. Рождество. <...> Елка прошла весело... С Эрдели в первый раз говорила откровенно об его отношениях к Маше Кузминской и об его свадьбе будущей. Они жалки с Машей; им так хочется соединиться, и все что-то мешает»*⁵⁷.

*«5 января [1891 года]. Маша Кузминская читала мне письмо Эрдели. У них там все сплетни и неприятности; бедные, молодые, все это терзанье напрасное»*⁵⁸.

⁵⁵ Там же. Л. 177, 188.

⁵⁶ Там же. Л. 247 об.

⁵⁷ Толстая С. А. Дневники: В 2 т. Т. 1. 1862–1900 гг. / Сост. и коммент. Н. И. Азаровой и др. Вступит. статья С. А. Розановой. М., 1978. С. 134–135.

⁵⁸ Там же. С. 140.

Запись от 7 января 1891 года в дневнике Софьи Андреевны продолжает рисовать отношения молодых Ивана и Марии как бы с налетом болезненности, и это странным образом перекликается с еще ненаписанным текстом дневников Эрдели 1918–1919 годов:

«Маша Кузминская совсем безлична: она вся в своей любви к Эрдели, и весь мир для нее перестал существовать.

Сегодня думала, что в мире совершается 9/10 событий, выдающихся по поводу какого-нибудь рода любви или проявления ее; но все люди это тщательно скрывают потому, что пришлось бы выворачивать все самые тайники людских дум, страстей и сердец. И теперь я много могла бы назвать таких явлений, но страшно, как страшна нагота на людях. <... > О любви как двигателе я выразилась неясно. Я хотела сказать, что если любовь овладела человеком, то он ее вкладывает во все: в дела, в жизнь, в отношение к другим людям, в книгу, во все влагая такую энергию и радость, что она делается двигателем не одного человека, а всей окружающей его среды. Потому я не понимаю любовь Маши Кузминской. Она точно подавлена. Или это слишком долго продолжается»⁵⁹.

Софья Андреевна была очень привязана к Маше и почему-то чувствовала вину за недостаточную любовь к ней. Так она записала в своем дневнике.

В эти дни Иван ездил к матери за разрешением на женитьбу, но получил отказ. Необходимость такого разрешения диктовалась правилами, утвержденными 3 декабря 1866 года, по которым офицерам русской армии запрещалось жениться ранее достижения возраста 23 лет. Вторым условием было обязательное получение разрешения начальства для офицеров, не достигших 28 лет. Третьим условием был так называемый реверс – денежный взнос в размере нескольких тысяч рублей, вносимый офицерами в обеспечение будущей семейной жизни при женитьбе. Этот капитал должен был приносить не менее 250 руб. чистого дохода в год. Очевидно, что для Ивана Эрдели в тот момент главным барьером на пути к женитьбе была мать. Он был раздавлен решением Леониды Никаноровны. Тогда-то и записала в дневнике Софья Андреевна: «Он жалкий, слабый мальчик».

День 20 января, когда Иван вернулся от матери с отказом, наиболее подробно описан в дневнике кухни Маши – Татьяны Толстой, старшей дочери писателя.

*«Маша Кузминская получила вчера письмо от Ивана, в котором он говорил, что его мать хочет, чтобы он подождал жениться еще два года, и вот мы сегодня все решили сказать ему, что это невозможно. Встретив нас, он всмотрелся в наши лица, и сейчас же его лицо как-то упало. Он видел, что мы встревожены и расстроены (Маша вчера плакала), и это сейчас же на нем отразилось. Приехавши домой и позавтракавши, мы разошлись по своим делам, а Маша с Иваном остались в зале. Перед самым обедом Мишка ко мне прилетел, говоря, что Маша ревет. Я пошла наверх и увидела Машу, уткнувшую голову в колени и рыдающую, Ивана, стоящего против печки, бледного как смерть и всего дрожащего, и **тата** тоже заплаканную, тут же сидящую. Маша ушла вниз, и я немного погодя за ней и расспросила у нее все, что произошло. Оказывается, что **тата** пришла к ним в залу и стала расспрашивать Ивана про то, что его мать сказала на его брак, и, узнавши ее решение, сказала, что, очевидно, мать совсем этого не желает и что двух лет ждать нельзя, что Машино несчастье важнее, чем неудовольствие матери, и что ей жалко смотреть на них и т. д. Маша плакала, **тата** тоже, а Иван ушел в гостиную и там без чувств повалился на диван. Маша, рассказывая это, просто кричала от рыданий. Мне самой было страшно его жалко – сам еще такой ребенок, и такая на нем огромная ответственность. И Машу жаль: она положила всю свою жизнь, все свои надежды на эту любовь, и если она рухнет, то ей ничего на свете не останется. А рухнуть она может. Мать, очевидно, имеет большое влияние на сына и, очевидно, хочет расстроить эту свадьбу, а он слабый и молодой и*

⁵⁹ Там же. С. 141.

может подчиниться ее влиянию. Потом мы привели Ивана вниз к Маше, чтобы увести его от тата, и тут мы все плакали... После обеда опять они сидели вдвоем и говорили до тех пор, пока Маша не расплакалась и не пришла меня позвать пройтись с ней. <...>

Меня трогает ее доверчивое отношение ко мне, даже в мелочах. <...> Бедная! И в ее любви я ей помочь не могу. Я вижу, как она просто тает, и только могу ей повторять, чтобы она не клала своей жизни в этом, и вместе с тем утешать ее, говоря, что все устроится. Что за сильная и злая страсть – любовь! Как тут можно жить хорошо и помнить свои обязанности, когда все существо захвачено этой эгоистичной и жестокой страстью? Какое при этом полное равнодушие ко всему и всем вне этого. Мне иногда жалко, что я никогда не испытала этого, потому что никогда не была любима, когда сама любила. Но когда я ясно себя представляю в таком положении, я чувствую, как страшно мне захотелось бы отделаться от него и опять быть свободной, жить полной жизнью и быть в состоянии все видеть, что вокруг, а не быть прикованной к одной точке»⁶⁰.

Но в мае 1891 года Иван уже зовется женихом Маши. Удалось ли уговорить его мать, осталось неизвестным. Но, учитывая, что никого из Эрдели на свадьбе не было, может быть, что брак был заключен вопреки воле Леониды Никаноровны. А как были преодолены другие препятствия, такие как разрешение начальства и одобрение офицерской среды? Не надо забывать, что отец Марии Александровны был крупным чиновником по судебной части, входил в бюрократическую элиту империи.

Свадьба состоялась 25 августа 1891 года в Красной Поляне. Благословляли Ивана Софья Андреевна и ее брат. Утром этого дня Софья Андреевна повезла Ванечку Эрдели в карете в церковь: «Мне жаль было этого юного, чистого, нежного мальчика, что он так рано берет на себя обязанности и что он так одинок». Накануне вечером она с сестрой Татьяной, матерью Маши, говорили с женихом и невестой о супружеских отношениях:

«...Я им рассказывала, как я замуж выходила, и передо мной восстала вся моя прошедшая безотрадная довольно жизнь. Безотрадность эта особенно обнажилась теперь. Если в молодости жили любовной жизнью, то в зрелые годы надо жить дружеской жизнью. А что у нас? Вспышки страсти и продолжительный холод; опять страстность и опять холод. Иногда является потребность этой тихой, нежной, обоюдной ласковости и дружбы, думаешь, что это всегда не поздно и всегда так хорошо, и сделаешь попытки сближения, простых отношений, участия, обоюдных интересов, и ничего, ничего, кроме сурово, брюзгливо смотрящих удивленно глаз, и безучастие, и холод, холод ужасающий»⁶¹.

Все записи Толстых об отношениях Ивана и Маши Кузминской какие-то минорные, неодобрительные. Как указывается в комментариях к дневникам Софьи Андреевны, сам Толстой также негативно относился к предстоящему замужеству М. А. Кузминской. 9 января 1891 года он писал ее матери:

«Маша твоя очень мила, но страшна: страшно так ставить всю жизнь на одну карту, как она делает, что я ей и говорю»⁶².

Это не значит, что великий писатель равнодушен к судьбе племянницы, просто он, как обыкновенный гений, любит наблюдать за людьми и позволять им изнывать и терзаться. В дневнике от 5 октября 1893 года о судьбе собственной дочери Марии Львовны, увлекшейся учителем музыки младших братьев, говорится по-толстовски менторски:

«Надо не мешать им жить, не мешать им ошибаться, не мешать им страдать и каяться и идти этим вперед»⁶³.

⁶⁰ Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник / Сост. и автор вступит. статьи Т. Н. Волкова. М., 1979. С. 214–215.

⁶¹ Толстая С. А. Указ. соч. Т. 1. С. 207.

⁶² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 65. М., 1953. С. 218.

⁶³ Цит. по: Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1892 по 1899 год. М., 1998. С. 61.

Видимо, Иван не был близок ни с матерью, ни с братьями и сестрами. Может быть, сказывались характер матери и разница в возрасте с другими детьми Георгия Яковлевича. Он стал частью семьи Кузминских, особенно в период, когда служил в столицах. Но со временем между ним и семьей жены пробежала какая-то черная кошка. К ссоре это не привело, но отношения стали прохладными. По-видимому, охлаждение к жене привело к охлаждению и в отношениях с ее родственниками. Контакты не прерывались, просто стали не такими тесными и важными для него, как раньше. С точки зрения семьи Кузминских, Иван Георгиевич стал слишком далек от собственной семьи: жены и детей.

В 1920 году он пишет о приезде в Екатеринодар Дмитрия Кузминского⁶⁴, брата его жены, который был значительно (на девять лет) моложе ее. Иван Георгиевич ценил его как самого, по его мнению, стоящего представителя «берсовской» семьи:

«Дмитрий Кузмин[ский] – хороший основательный человек и очень ко мне расположен. Из Берсовской семьи исключение. Честный, хороший служака, благородных взглядов, вообще человек, а не балалайка, и приспособлен для жизни»⁶⁵.

К сожалению, основания столь решительного перехода от влюбленности к равнодушию мы так и не узнаем. Причина не только в отсутствии соответствующих документов, но и в том, что гибель любви – это настолько неуловимо и необъяснимо, что не может быть подчас объяснена и самим человеком. Может быть, Иван просто устал от пережитого напряжения; от ожидания счастья, которое в чем-то не оправдалось. Известно, что Маша проводила много времени в Красной Поляне, где столь же часто бывала ее мать. Может быть, сказалась разлука супругов.

Детей в этом браке родилось четверо: в 1892 году – Иван-младший; в 1896 году – Мария-младшая; в 1901 году – Георгий; в 1904 году – Александр. В 1919 году Иван Георгиевич уже не был образцовым родителем: на страницах дневника он слишком мало вспоминал о своих детях, что и объяснимо, ведь он был адресован не их матери. Генерал осознавал недостаточность своей отцовской заботы о детях и испытывал вину. Старший сын Иван зимой 1919 года сумел пробраться к нему в Екатеринодар, но его присутствие тяготило отца: лишние глаза и лишние расходы.

Больно читать отзывы об Иване Эрдели-младшем. Т. Л. Сухотина-Толстая записала 28 сентября 1914 года в своем дневнике: *«Оба Эрдели – отец и сын – ушли на войну. Ваня-младший был в бою 10 дней. Шинель прострелена»*. Надежда Вечная описала его как человека немного не в себе, страдающего kleptomanией. Психика Ивана действительно была повреждена. Не исключено, что именно участие в войне причиной этому, ведь до войны Иван окончил училище правоведения, потом воевал на фронтах в составе лейб-гвардии 4-го стрелкового полка⁶⁶. В Екатеринодаре он уже молодой человек со странностями. Через пару месяцев праздной жизни сына Эрдели посчитал, что тот достаточно отдохнул и пора идти офицером в строй на фронт. Примерно в феврале 1919 года Иван-младший был определен в полк и пропал. Через пять месяцев объявился, как писал об этом Эрдели, обобраным, даже без зубной щетки (!), с опухшим лицом. Боялся показываться отцу на глаза. Поскольку Иван-младший принадлежал к кругу Л. Н. Толстого, искусствоведами было установлено, что он умер в 1926 году в эмиграции во Франции.

⁶⁴ Кузминский Дмитрий Александрович (1888–1937) окончил училище правоведения; коллежский асессор, чиновник Министерства юстиции; в годы войны с Германией корнет лейб-гвардии Драгунского полка. С 1919 года в Вооруженных силах Юга России; член Особой следственной комиссии о преступлениях большевиков. Из Новороссии эвакуирован за границу. Умер в Югославии. Волков В. С. Офицеры русской гвардии. URL: <http://www.maxknow.ru/images/upload/articles60/405.htm> (дата обращения 05.03.2013).

⁶⁵ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 20.

⁶⁶ Волков В. С. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. С. 555.

О судьбе других детей генерала известно немного. Дочь Мария (1896–1961) состояла в первом браке за Петром Лебеденко, во втором – за Федором Ивановичем Крамаревым (1877–1945), из дворян Херсонской губернии, который был значительно старше ее. В 1920-х годах у нее родился сын Дмитрий. Следы младших сыновей Георгия и Александра потерялись из виду основного ствола русской общины за границей.

Впору вспомнить предчувствия графа Льва Николаевича: жаль их, нехорошо. Брак действительно оказался несчастливый.

Ивана Георгиевича Эрдели, полного генерала, что-то мешает считать исключительным офицером. Он кажется воплощением всех типичных черт своего сословия – от тяготящего его семейного союза до убивающего всякую инициативу и индивидуальность корпоративного чувства. Обширный архивный текст его писем-дневников позволит всесторонне познакомиться с личностью его автора.

Потомок «венгерцев» демонстрирует свою великорусскую идентичность. Не к этому ли стремился его отец Георгий Яковлевич, настаивая на столичном воспитании сыновей?

Воюя на юге, Иван Георгиевич тоскует о Средней России, давшей ему сознание русского человека. Маре он пишет:

«Я так привык все относить к России, к центру, а в нем видеть все настоящее, корень всего, что меня туда неудержимо тянет, точно я там вырос, родился. К этому надо прибавить, что ты сама – центrorоссийская, и, значит, мне этого достаточно, чтобы центр был мне дорог, родной и любим»⁶⁷.

Тут он ошибается, полагая, что это сложилось всецело под влиянием личности Мары. Связь с ней только подкрепляет усвоенное в ранней юности отношение его – уроженца жаркого степного юга – к местам, где зародилось Московское государство.

Не великодержавно настроенных образованных людей в Российской империи была горсть. Как правило, уроженцы православных окраин чувствовали себя русскими. Иоанникий Алексеевич Малиновский, ныне почитаемый за основоположника украинской правоведческой мысли, в записках, датированных зимой 1920 года, писал о своем первом посещении Москвы:

«...На меня очень сильное впечатление произвел Московский Кремль. При виде старинных кремлевских стен и ворот с башнями, колокольни Ивана Великого, Успенского собора, при виде Красной площади перед Кремлем с лобным местом и церковью Василия Блаженного... мною овладело какое-то восторженное и вместе с тем жуткое чувство при мысли о том, что здесь колыбель русской государственной мощи»⁶⁸.

У Малиновского вызывали восхищение масштабы русской государственности, и все же себя он называл и «украинцем по происхождению», хотя, находясь в Варшаве, считал себя русским⁶⁹. Такие настроения – результат общеимперской образовательной системы, делавшей даже из потомков кокандских ханов и северокавказских эмиров русских офицеров.

Едучи из Баку, Эрдели говорил с «полукондуктором вагона»⁷⁰ – Фионией Степановной Романовой, бабой, уроженкой Перми. И его потянуло к северу, снегам, грибам, речкам, заливным лугам, и он почувствовал, как же ему «опостылел юг этот разноплеменный»⁷¹. Тут

⁶⁷ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 63.

⁶⁸ Малиновский И. А. Воспоминания. Екатеринодарский дневник, декабрь 1919 – март 1920 г.: Рукопись. С. 10 / Подлинник хранится у потомков внучки И. А. Малиновского Марианны Цезаревны Шабат (1922–2009).

⁶⁹ В 1918 году И. А. Малиновский невольно оказался на развилке политических путей. Когда получил предложение от Н. П. Василенко и академика В. И. Вернадского вступить в Украинскую академию наук, согласился. Но вскоре после возвращения из Киева на конференции кадетской партии в Екатеринодаре голосовал за резолюцию о единой России. Когда об этом узнали в Киеве, то исключили его из списка предполагаемых первых украинских академиков.

⁷⁰ Вагонный полукондуктор – это проводник, обслуживающий два вагона.

⁷¹ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 24.

все значимо и символично. Взять описания весны. Уроженцами центра южная весна, хотя и ранняя, ощущается чужой. Один из участников 1-го Кубанского похода молодой офицер А. Моллер, находясь в станице Успенской, записал в свой дневник:

*«Сирень вся в бутонах. Яблоки и вишни в цвету. Но все же весна здесь не хороша. Нет душистого воздуха, нет того очарования, что у нас. Например, как бы сразу лето, причем днем жарко, а ночью морозы» (12.04.1918)*⁷².

Так и Эрдели не радуется бакинская весна.

Во время поездки в Туркестан его одолевали противоречивые эмоции. Во время езды по Закаспийской линии он испытывал дивное, по его словам, чувство, что все здесь русское, насаждено русскими и нет иной конкуренции, его радовало, что к русским местное население продолжало оставаться приветливым. Но после нескольких встреч со старым товарищем по кадетскому корпусу Сордар-Ураз-Берды, высказывавшим туркофильские идеи, настроение Ивана Георгиевича изменилось:

*«Пошел к собору, бывшему военному туркестанских стрелков, осмотрел различные памятники времен Скобелева, Куропаткина. Кругом собора в середине так чисто, хорошо, и грустные мысли навел мне этот собор. Представилось все покорение Закаспийского края, сколько трудов, денег, культуры, жизней люди вложили. И теперь как все это разрушено... И только вот этот тихий скромный собор, выстроенный насадителями здесь культуры и знаний, безмолвный памятник минувшего. <...> Как-то грустно, ну грустно, грустно на душе становится, чего-то жаль»*⁷³.

Ему на память пришли стихи М. Ю. Лермонтова «Спор» и «Три пальмы». Если причина, по которой ему вспомнился первый стих, рассказывающий о победоносном приходе чужой цивилизации на Восток, ясна, то возникновение ассоциаций со вторым требует разъяснений. Три пальмы в пустыне искушали судьбу и Бога разговорами о том, что они без пользы живут на свете. Пришедшие с караваном люди срубили пальмы и грелись ночью у разведенного костра. Гибель пальм стала концом оазиса: «И ныне все дико и пусто кругом...» В Мерве, недалеко от станции Байрам-Али было царское Мургабское имение. Там кипела жизнь, была сооружена сеть каналов, орошение сделало пустыню зеленой. Эрдели высказывал опасения, что это все погибнет, потому что местным – текинцам-скотоводам – это не нужно.

Русскость Эрдели проявилась и в его сильном религиозном – православном – чувстве. Он страдал, когда у него не было возможности приобщиться к церковным таинствам, «успокоиться молитвой», о чем он писал в дневнике. Когда он оказывался в церкви в чувствах, расстроенных тяжестью исполнения службы, его печалило неподходящее к этому случаю настроение. На Пасхальной неделе он был в церкви и положил на плащаницу букет из цветов груши и яблони.

Описание пасхальной ночи показывает, как для него был важен ритм жизни, задаваемый церковным календарем:

«Вчера мы выступили в 8 ч. вечера, ночь была холодная, ветреная, шли 25 верст до донской станицы Егорлыкской, куда прибыли без четверти двенадцать часов ночи. Подъехали к церкви, и только что там пропели «Христос воскрес». Прямо с лошади ввалились в церковь. Громадная, залита огнями, поют чудесно, голоса чудные. Мара, ты знаешь, когда пропели «Христос воскрес», и я в первый раз это услышал, то меня охватила такая восторженная радость, такое лучезарное счастье, что вот дождался я до этого великого дня, цел и невредим, и удостоился слышать «Христос воскрес». И что сердце мое и душа так радуется этому, и вместе с этим счастьем и радостями весь в слезах я, чуя, что ты и

⁷² Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 2830. Оп. 1. Д. 958. Л. 4.

⁷³ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 83.

молитва твоя здесь рядом» <...> Что жена и дети мои в эту минуту молятся обо мне, и люди, которые любят, вспоминают меня в эту минуту. Так опять ясно чудилось, что ты в церкви с девочками и молишься, и я вижу тебя внутренним оком и чувствую твою молитву. И вся душа моя несется к тебе навстречу, и твоя ко мне, и мы вместе. И такое неземное счастье и радость охватила меня в церкви, ну правда, я не помню просто, когда мне было так дивно хорошо, умиленно восторженно-прекрасно, как вчера в эту заутреню. Встреча донских казаков благожелательная, приехали домой, хозяйка наша приготовила нам яиц, куличей, поджарила свинины и дала свежего масла и молока – чего же больше, но главное – на душе свет, радость, чистота, любовь и восторг, все вместе, вероятно. То есть и причастие с исповедью, и чудное церковное пение после ночного холода и ночного похода в пыли и по ветру, и несомненное твое присутствие около меня и мое около тебя, – все это подготовило душу и влило в нее неописуемые ощущения светлой лучезарной радости, которые я, стоя в церкви, переживал с тобой, и все время звал тебе по имени про себя, мою дорогую, любимую Мару, Марочку, радость, жемчужинку. <...> Меня знобит всего, трусит, но это все пустяки, наши души в эту ночь соединились, сошлись, [нрзб.] я счастлив, я озарен радостью, озарен любовью и бесконечной милостью господней, который послал мне эту чудную радость в мою печальную тяжелую жизнь»⁷⁴.

Сохранившаяся часть дневника запечатлела две весны, с Великим постом и Пасхальной неделей, в жизни генерала Эрдели – 1918 и 1919 годов. Примечательно, что религиозное чувство наиболее выпукло представлено в ранних записях. Куски дневника за 1919 год показывают генерала не столь религиозно экзальтированным, как год назад. Чувствуется общая, в том числе и эмоциональная усталость. Понимает это и сам генерал:

«Масленица промелькнула в этом мусульманском городе незаметно, все-таки блины ел. Теперь Великий пост, что-то смутное, милое, далекое связано с Великим постом. Разметано, разрушено все кругом. За земными делами и душу забывают. Хоть бы мне Господь помог добраться домой... выплакать в церкви все свои горести и обиды около тебя, набраться сил и опять за дело, на унижение, на борьбу, быть может и на страдание, но и на успех» (20.02.1919)⁷⁵.

Усиление бытовой религиозности происходит в пограничных ситуациях, в том числе на войне⁷⁶ и в военное время. Наиболее сильно проявлялся ее мистический компонент: вера в защитную силу икон, молитв и ладанок, в приметы, сны, предзнаменования. Это и понятно, популярность гадалок, разговоров о предсказаниях, предвидениях вызывалась длящейся годами неизвестностью о судьбах близких. Даже подлинно воцерковленные христиане, случалось, прибегали к услугам хиромантов и гадалок⁷⁷. Иван Георгиевич также, находясь в состоянии полной неопределенности, посчитал нужным прибегнуть к гаданию на узелках:

«Ну вот и не уехал. Ты знаешь, меня брало сомнение какое-то, что я не уеду, и вот я взял платок, завязал узелок и решил вытащить жребий, ехать ли мне сегодня или нет. Перед этим помолился, и пусть бы меня Бог наставил. Закрыв глаза и вытащил узелок, чтобы не ехать. Затем вторично загадал также с молитвой, ехать ли мне завтра или еще отложить отъезд, и вышло, что ехать надо завтра. Только что я кончил это, как приходит ко мне офицер и сообщает, что приезжает сюда прямо от Деникина из Екатеринодара Коцев, глава Горского правительства. <...> И мне, конечно, крайне важно и интересно дожждаться его здесь, чтобы узнать обо всем, что переговорено, решено и т. д. Таким образом, мое

⁷⁴ Там же. Л. 136–137.

⁷⁵ Там же. Л. 14.

⁷⁶ Сенявская Е. С. Бытовая религиозность на войне (На примере двух мировых и советско-афганской войны) // Менталитет и политическое развитие России. М., 1996. С. 135.

⁷⁷ ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 21. Д. 252. Л. 35.

гадание вышло как раз вовремя и, кстати, и оправдалось событиями. Ты не смейся надо мной на такие детские приемы, Марочка, но правда, находясь в полной неизвестности, – один Бог знает, что нужно и что своевременно. Ну я к нему и обратился, и твердо себе сказал, что как выйдет – так и поступлю»⁷⁸.

Однако генерал на следующий день не уехал, и все получилось не так, как он загадал.

Отраженные в дневнике бытовые и пищевые пристрастия человека сами по себе способны многое рассказать о нем и его среде. Эрдели такой же большой аккуратист, что и Мара. Он садился за дела обычно после тщательного утреннего туалета:

«...Умылся, оделся с ног до головы в чистое, вычистил сапоги, платье, побрился... привел в порядок свои вещи и теперь вот сел писать тебе»⁷⁹.

Необходимость решения неотложных дел с генералами Пржевальским и Лазаревым нарушила привычный график: с утра до 12 часов он провел совещание, но потом неприменный ежедневный туалет. «Сейчас помылся, почистился, а то с утра не мылся», записал он 24 февраля 1919 года⁸⁰. Даже в суровых походных условиях он все равно моется, следит за чистотой одежды и жилища. Находясь на рыбацкой шхуне, на которой он предпринял попытку добраться до пристани Старотеречной, после морозной ночи устроил себе обливания морской водой:

«Спал плохо. Было холодно, ноги мерзли, но это ничего. Сейчас попили чайку с балыком и хлебом. Пойду скоро мыться соленой водой с моря. На дворе свежо, солнца нет, но все-таки пахнет весной. <...> Вымылся холодной водой, холодная, живительная» (1.03.1919)⁸¹.

Но ненастная погода ненадолго отучила его от подобных бодрящих моционов. И через два дня он записал в дневнике:

«Только что встал, вымылся хорошенько после двух ночей не раздеваясь в лодке»⁸².

Особо пристальное внимание генерала к этой стороне уклада жизни вызвало ряд замечаний в отношении чистоты и гигиены быта:

«Вчера выстирали мне белье, и сейчас в комнате баба [его] гладит, за перегородкой отчаянно кричит ребенок, пахнет чадом, пол грязный, нанесена грязь с улицы, на дворе дождь – неприглядно. Почки болят. Ну да человек ко всему привыкает» (18.03.1918)⁸³.

В Порт-Петровске сырой, холодный, грязный и неудобный номер в когда-то лучшей гостинице города пугает его своей кроватью:

«Кровать хорошая, но, вероятно, с клопами. Для Захара, слуги Обломова (Гончарова) клоп мил: как же быть без клопа, с клопом и спится теплее. Ну а по-теперешнему времени клопы, вши и т. д. возбудители сыпным тифом и просто страшны»⁸⁴.

У него сформировался определенный суточный ритм жизни, который нарушался только по причинам чрезвычайного характера, и при всякой возможности им точно соблюдался: отход ко сну в 11 часов вечера, подъем – в 8 часов утра.

В 1918 году 21 мая, в день св. Елены и Константина, он попал к праздничному столу хозяина квартиры – священника. Его дочь Елена была именинницей. К завтраку подали мясной пирог, но он отказался, предпочтя хлеб с маслом. Спросили, почему не ест, ответил:

«...Не привык с утра накрываться на мясо, с детства привык есть иначе, ведь я... чистокровный буржуй, и хоть гроша медного теперь за душой нет, но привычки, вкусы –

⁷⁸ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 30.

⁷⁹ Там же. Л. 65.

⁸⁰ Там же. Л. 23.

⁸¹ Там же. Л. 41.

⁸² Там же. Л. 47.

⁸³ Там же. Л. 105.

⁸⁴ Там же. Л. 31.

все буржуйское, и с этим умру, и менять не хочу, не могу и не умею. Родился дворянином и барин, таким жил и таким останусь и умру»⁸⁵.

В этом отрывке примечательно использование им большевистского глоссария, слов «буржуй», «буржуйский», в том значении и контексте, что и распропагандированная масса. В этом замечен и другой первопоходец – А. Моллер. Во второй фазе похода, когда изменилось отношение к добровольцам большей части населения, они окунулись в когда-то привычный мир бытового комфорта, который с долей иронии стали именовать «буржуйским»:

«Стоял в буржуйском доме какого-то мелкого земельного чиновника. Отлично сервировали нам чай с закуской...» (Моллер А., ст. Павловская, 27.04.1918)⁸⁶.

«День разобран по-буржуйски: баня, всенощная, ужин в гостях и чай с медом» (Эрдели И., 2.05.1918)⁸⁷.

Приглашение в компанию офицера-кубанца и сестры милосердия пить чай с медом прокомментировано генералом Эрдели достаточно иронично. Это время 1-го Кубанского похода. Год назад такое предложение не было бы сделано, да и не было бы для него соблазнительным. По-видимому, прошло недостаточно времени, чтобы Иван Георгиевич радикально поменял свои привычки. В июле 1918 года он, обычно равнодушный к еде, записал в свою тетрадку: «Одна радость в жизни осталась – хорошо поесть. Какая радость и удовольствие – свежий хлеб с сахаром и чай с молоком»⁸⁸. Но через год подвижки в его поведении уже очевидны. В Порт-Петровске, находясь на довольно скудном рационе, он вспоминал гостеприимство своих бакинских друзей Леонтовичей и Байковых, как было вкусно у них за столом, и замечал в связи с этим: «...Что-то стал очень ценить всякие вкусности, чего раньше не замечал за собой»⁸⁹.

Он практически трезвенник, отказывался от коньяка, даже если было сыро и холодно. Так он берег свое здоровье для России и для близких. Но потом при сильных нервных перегрузках стал курить, скручивая из бумаги папиросы. Он записал: «Куришь – и легче». И иногда ему уже хочется вина⁹⁰.

⁸⁵ Там же. Л. 165.

⁸⁶ ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 958. Л. 6.

⁸⁷ ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 157.

⁸⁸ Там же. Л. 221.

⁸⁹ Там же. Л. 52.

⁹⁰ Там же. Л. 163.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.